

СЕТЬ ГЕФЕСТА

ВМЕСТО ПРОЛОГА

В 1975 году по земному времени на другом конце галактики, где не существует ни времени, ни пространства, а существует то, что по невежеству называют иллюзиями, произошла историческая встреча одной бывшей супружеской пары. Если бы этот процесс удалось подглядеть со стороны, то можно было бы увидеть, как черная даль раздвинулась, и в ней появилось бледное облачко, настолько легкое и эфемерное, что человек принял бы его за обман зрения. Но вскоре облачко уплотнилось, увеличилось в объеме, и из него вылепились два силуэта. Одновременно вокруг силуэтов сформировались какие-то невообразимые сады с мраморными беседками и ослепительными фонтанами. Я не берусь описать эти сады, настолько они необычайны по земным стандартам. На языке так и вертится этот затасканный эпитет «райские». Однако убогая человеческая фантазия слишком бедна, чтобы вообразить хотя бы сотую часть их красот. И только об одном могу сказать с уверенностью, что в этих садах было все, кроме яблонь.

— Ты все еще надеешься оставить след во вселенной? — обаятельно улыбнулась женщина, едва ее силуэт оформился в маломальскую девичью оболочку. — Ах, в этой чертовой, промозглой и все перемалывающей подобно жернову вселенной, одинаково равнодушной к добру и злу?

В ее голосе звучали кокетство и едва уловимая ирония. Женщина все больше наливалась красками и излучала благоуханный аромат семнадцатилетней девственности. Но если что и являлось иллюзией в тот момент, так это ее девственная чистота. Кому как не бывшему мужу было это знать?

Тем не менее, мужчина с улыбкой идиота втянул ноздрями ее забытый запах и, нежно взяв за руку, в той же высокопарной манере отпарировал:

— Почему нет, моя крутобедрая! Почему нет, очаровательная дочь Урана? Хотя я прекрасно понимаю, что главное не то, что оставишь за собой, а то, с чем отправишься дальше. Тем не менее, художнику очень важно ощущать за спиной тыл.

Они посмотрели другу в глаза и одновременно подумали, что бессмертие не предполагает огненных страстей, тем более в теле, наскоро слепленном из космической пыли. Но именно страсти дают ощущение своего полного «я», и именно ради них высшие иерархии облачаются в презренную материю. Женщина высвободила руку, взяла золотой кубок с вином и полулегла на мраморную кушетку. Мужчина почувствовал, что задел ее этим самым «тылом за спиной» и испытал злорадство.

— О, не шути так, дорогой Гефест! Если бы существование в зигзагообразных лучах подразумевало раны, то я бы сказала, что ты мне их разбередил, — нежно прошептала женщина с опущенными глазами. Она целомудренно отхлебнула из кубка, пару раз стыдливо хлопнула ресницами и вдруг пронзила собеседника таким стервозным взглядом, что тот закусил губу. — Зачем ты меня позвал? Не для того ли, чтобы дать вкусить яблоко из этого милого сада? — спросила она насмешливо.

— Ты же знаешь, в этом саду нет яблонь, — смутился художник.

— А если бы были? Хватит у тебя смелости сорвать для меня яблоко? — брызнула глазами женщина. — Короче: говори, зачем позвал?

— Я хочу показать тебе мою новую работу. Она сотворена в том уголке мироздания, где творить запрещено, — с кислой улыбкой ответил Гефест. — За это, милая Афродита, распыляют на атомы. А это покруче, чем вкусить от запретного дерева.

— Ты меня интригуешь, — ответила красавица и украдкой зевнула. — Конечно, я взгляну на твоё полотно, но исключительно из признательности, что ты когда-то был моим мужем. И сразу предупреждаю: от искусства я отошла, поэтому не смогу оценить твой шедевр по достоинству.

— Ты не пожалеешь! — просиял мужчина, пропустив мимо ушей ее сарказм по поводу шедевра.

И в то же мгновение они стали медленно таять и превращаться в сверкающие пылинки прямо за столиком райского сада. Но в это же время их эфемерные силуэты начали формироваться в грязном облаке на одной из девяти планет какой-то ужасно желтой звезды, которая находилась на другом краю галактики...

— О твой мир невероятно живой! — воскликнула женщина с облака, едва их тела оформились в мало-мальски прозрачную оболочку. — А какие страсти! Боже, какие страсти. Говорят, древние творцы наносили краски на холст или высекали скульптуры из камня, и таким образом выражали свои страсти. Но как можно через камни выразить огонь? Планетой, населенными биологическими существами, — другое дело! Вот, к примеру, девочка у фонтана кормит голубей, а у мамочки такое счастливое лицо, будто ей в будущем не предстоит кануть в небытие. А тот хохочущий старик с пивной кружкой просто умиляет. Ему осталось жить меньше месяца, а он беззаботен и весел! А эта плачущая женщина полна решимости броситься с девятого этажа. Боже мой, расстаться с жизнью из-за такого пустяка, из-за того, что муж не пришел ночевать? Это восхитительно! А тут наоборот: влюбленный юноша спрятался за дерево и ждет, когда его возлюбленная выйдет из подъезда с соперником. Как он смотрит на дверь, как он смотрит, Гефест! Если бы на меня кто-нибудь так смотрел...

— Ты завидуешь моим героям? — криво усмехнулся художник.

— Представь себе, завидую! — ответила Афродита без капли иронии. — Здесь истинная страсть! И страдания выливаются сразу. Ну еще бы им не выливаться, когда сроки так сжаты и все жизни заканчиваются смертью. А ведь они смертны навсегда, а не иллюзорно, как после вкушения от запретного дерева. Согласись, Гефест, в бессмертии есть какая-то беспросветность, я бы даже сказала, пошлость. Мужчина миллиарды лет может ждать, когда его возлюбленной наскучит муж, и в конечном итоге он дождется, потому что вселенная бесконечна, и мы в ней бессмертны. А вон тот, черномазый в сомбреро, не захотел ждать и двух минут...

— Посмотри на соседний материк! Там решат друг друга пулями из-за жалкого клочка земли, а не из ревности, — кивнул головой Гефест.

— Избавь! Я не хочу на это смотреть! — зажмурилась Богиня. — Как всякий творец ты обожаешь контрасты. Но я все равно не улавливаю смысла.

— А ты окинь оком их историю, — посоветовал Гефест.

Афродита небрежно бросила взгляд в прошлое и расхохоталась.

— Я так и думала, что их история, как и всякая другая, началась с яблока. Сама бесконечность в образе змея искушает женщину, а женщина совращает мужчину! Как свежо!

— Листай дальше! — буркнул Гефест.

— И дальше все то же: те же мифы и те же войны. И снова войны, и снова мифы, и Боги, в которых не верят люди, и легенды, которых никогда не существовало в реальности. Но что я вижу, боже мой? — хлопнула в ладоши Афродита. — Опять яблоко, и опять из-за него раздор, если это можно назвать раздором — десятилетняя война из-за Елены Прекрасной. Впрочем, раздоры разнообразят жизнь. Спасибо, милый, что в число тех трех Богинь ты включил и меня. Правда, все было не так, но основная мысль понятна: из-за мелких раздоров Богов расплачиваются люди.

— Надеюсь, ты не обиделась?

— Напротив, польщена. Ты увековечил меня. Только почему себя изобразил таким несчастным и вдобавок хромым? Но боже, что ты сделал с собой дальше? — схватилась за голову Афродита! — Разве можно истязать себя так даже в пустейших мифах? Мало того, что из всех обитателей Олимпа ты остался один, но ты закрепил за собой хромоту, оброс шерстью и присобачил себе рожки. Зачем?

Гефест отвел взор и ничего не ответил. Богиня качнула копной кудрявых волос и тяжело вздохнула:

— Если ты по поводу Ареса, то эта была шутка. Неужели ты думала, что я не знала про твою сеть? Я тебя разыграла! У нас с ним ничего не было. Так что ты напрасно прилепил себе рожки.

Гефест выдавил из себя подобие ухмылки и хрипло произнес:

— Проехали... Листай дальше!

Но Афродите сделалось скучно. Глаза ее потухли, и тело показалось ужасно тягостным оттого, что оно не в форме серебряного луча. Ей снова захотелось абсолютного блаженства и безучастного скольжения по пространству без мыслей, воспоминаний и волнений...

— Мне пора! — произнесла она вслух, а про себя подумала: «Не провела в теле и десяти минут, а сердце уже все разбухло от тоски».

Гефест услышал ее мысли и затравленно улыбнулся:

— Все равно я не жалею, что показал тебе страсти, какие еще кипят во мне.

Афродита подняла на него свои прекрасные очи и устало улыбнулась:

— Уже с самого начала я догадывалась, о чем будет вопить твое полотно. Ты хочешь вытащить меня из спячки? Но это вздор, Гефест! Боль не развеивает скуки, а наоборот. Смотреть же на чужую боль сверху скучнее втрое. В следующий раз, когда сотворишь очередной шедевр, найди другого искусствоведа. Но если ты действительно хочешь встряхнуть мое сонное нутро, укради мне яблоко, которое дает иллюзию смерти.

Гефест вздрогнул, а прекрасные очи Богини вспыхнули сладострастным огнем, почти таким же, как в глубокой древности, когда испуганный пастух Парис протянул ей золотое яблоко. В тот же миг прекрасная дочь Урана начала медленно таять. Она превратилась в розовое облачко, которое тут же развеял налетевший с океана ветер. Когда оставшийся от облачка серебряный луч прошел сквозь сердце Гефеста, он услышал изнутри:

— Яблоко, милый! Яблоко, которое дает иллюзию смерти!

— Но ведь я умру от ревности! — крикнул на всю вселенную Гефест, схватившись за золотые кудри.

Часть первая ИЛЛЮЗИЯ ЖИЗНИ

1

Грибоедовский дворец бракосочетания считается самым лучшим в Москве, хотя внешне выглядит довольно скромно. Довольно скромно он выглядит и внутри: тесная обшарпанная лестница, тесный полутемный коридор с облупленными светильниками, малогабаритные залы, где не вполне развернешься в пышном платье, а о шлейфе сзади, который

обычно несут маленькие девочки, вообще лучше забыть. Не те объемы! Однако черт с ними, с объемами. Не о них сейчас речь.

Снаружи, через дорогу от ЗАГСа, которая также не отличалась простором, и даже было удивительно, как на ней ухитрялись разворачиваться длинные лимузины с тонированными стеклами, у подъезда жилого дома стояла странная женщина. Ее лицо было молочно-белым, без каких-либо признаков загара, словно женщина всю жизнь провела в подвале. Ее фигура была рыхлой и бесформенной, походка косолапой. Бросалось в глаза, что она прилагает немалые усилия, чтобы казаться незаметной. Однако незаметной она быть не могла, поскольку выглядела нелепее некуда.

В руках женщина держала шикарный букет из розовых роз, сама же была в черном траурном платке, в черных ажурных чулках и тяжелых ботинках с тупыми носками. На белую блузку с ядовито синим бантом был надет мужской пиджак с металлическими пуговицами. Нетрудно догадаться, что женщина надела самое лучшее для такого торжественного случая, хотя и несколько не по погоде. Был июнь месяц, на небе — ни облачко, в воздухе — ни ветерка, но видимо более торжественной одежды, чем этого клубного пиджака с металлическими пуговицами времен пятидесятых, у нее не было. Складывалось ощущение, что она приехала из какой-то глухой деревни, где еще нет электричества. Более того, из деревни довоенных или даже дореволюционных лет. Но из тех лет она естественно быть не могла, поскольку на вид ей было не более сорока.

По счастью, на нее никто не обращал внимания, потому что каждые пять минут в Большой Харитоньевский переулок, где располагается Грибоедовский ЗАГС, въезжали красивые картежи, и выскакивающие из них нарядные люди взволнованно устремлялись внутрь за женихом с невестой. Никому и в голову не приходило бросить взгляд через дорогу, где с охапкой роз трусливо жалась к дверям чужого подъезда наша странная героиня.

Около двух часов дня у дворца остановился скромный картеж из четырех машин, возглавляемой черной «Чайкой». Из нее вышел белокурый жених в черном костюме, который со счастливой улыбкой направился к остановившейся сзади «Волге». Он открыл дверцу и подал руку невесте. Если бы кто-нибудь внимательно пригляделся к конвейеру молодоженов, то непременно бы отметил, что прибыла самая кра-

сивая и самая юная пара на сегодня. Невеста — грациозная, кудрявая блондинка, с чистыми голубыми глазами и чувственными чуть капризными губами, жених — стройный, розовощекий блондин с едва пробивающимся под носом пушком. Даже бабка, собирающая у входа монеты, и та всплеснула руками.

— Батюшки! Да они совсем еще дети!

Однако на дальнейшее удивление у бабки времени не было. В эту минуту из дворца вышла очередная пара зарегистрированных, и выскочившая за ними свита принялись, гогоча и отпуская шутки, посыпать их пшеном и монетами. Вот тут главное не зевать! Как только фотограф сделает пару снимков и гости опустошат по бокалу шампанского, шарханув фужеры об асфальт, можно уже приближаться и смело собирать монеты. В этот момент момент на побирушку уже никто не шикнет.

Так вот, именно в ту самую минуту, когда юный жених извлек свою кудрявую невесту из салона автомобиля, женщина на противоположной стороне дороги покрылась потом. Она впилась в невесту глазами и непроизвольно попятилась к дверям подъезда. Тут нужно пояснить, что дело происходило в 1996 году. Тогда на дверях подъездов не было кодовых замков. Так что женщина беспрепятственно вплыла спиной в подъезд и только там позволила себе развернуться. Затем устремилась на второй этаж к окну, который выходил на улицу. Однако этот маневр не имел смысла. Ее также бы никто не заметил, если бы она и продолжала стоять у всех на виду. Женщина в черном видела из окна, как молодые вошли в ЗАГС и как вслед за ними прошествовали их друзья.

Работница ЗАГСа долго вглядывалась в паспорта вновь прибывших. Она сравнивала их фотографии с оригиналом и никак не могла поверить, что им по двадцать лет, поскольку оба выглядели не более чем на пятнадцать. Однако делать нечего. Работница со вздохом вернула документы и одной рукой указала на комнату жениха, другой — на комнату невесты. Жениха звали Сережей, невесту — Надей. Как потом разнохали дотошные работники дворца, у молодых была любовь с детства. Они жили в одном дворе, ходили в одну школу, а сейчас учились на одном курсе университета «Станкин».

— Не будет у них жизни, — покачала головой самая старая работница ЗАГСа. — Обычно такие браки не бывают крепкими.

— Может, этот будет исключением, — возразила коллега помоложе. — Посмотрите, Любовь Павловна, они просто светятся от счастья.

— Ой, Настенька! В такие года все светятся от счастья. Говорю вам, что не будет...

Прошло более часа, прежде чем светящаяся от счастья пара с новенькими обручальными кольцами вышла на улицу. Их друзья также не отличались оригинальностью. Они завопили «ура», осыпали молодых пшеном и монетами, хлопнули пробкой от шампанского и заставили молодоженов поцеловаться. После того, как бокалы были разбиты об асфальт, к невесте с цветами и поцелуями бросились подружки, а к жениху — с рукопожатиями и без цветов друзья. Когда жених с невестой снова оказались рядом и под ручку направились к черной «Чайке», вот тогда из подъезда и выскочила эта странная женщина с букетом розовых роз. За несколько шагов до машины она преградила молодым путь и, протянув невесте цветы, протараторили сиплым от волнения голосом:

— Поздравляю тебя, Венера! Желаю тебе счастья, здоровья и долгих дней жизни. Будь опорой и надежным тылом для своего мужа.

Невеста побледнела. Ее только что сияющие глаза сделались испуганными. Подбородок задрожал. Рука, инстинктивно потянувшаяся к букету, застыла в воздухе. Даже жених почувствовал, как затрепетала его возлюбленная. Она открыла рот, чтобы ответить на поздравления, но от ужаса не смогла вымолвить ни звука. Но вот, наконец, новобрачная сделала над собой усилие и выдавила со стоном:

— Отойдите от меня! Чего вам надо?

Гости замерли, недоуменно глядя то на нее, то на женщину. Женщина положила свои розы на руку невесты, где уже лежала приличная охапка цветов, суетливо развернулась и мелкими шагами почесала прочь. С минуту длилась пауза. Затем невеста, словно проснувшись, выдернула из под локтя мужа руку и с ненавистью вцепилась в подаренные розы, чтобы швырнуть их на землю. Но внезапно вскрикнула.

— Ты чего? — встревожился жених.

— Укололась, — всхлипнула она и сунула палец в рот. — Ну вот! Кровь пошла. Блин!

— Больно? Дай подую! А это кто?

— Потом расскажу.

Через секунду подаренные женщиной розы оказались под ногами. Невеста зло отпихнула их туфлей и потянула жениха к машине. Сергей никогда не видел ее такой.

— Это какая-то родственница? — недоумевал он.

— Какая к черту родственница? Понятия не имею, кто такая? Поедем, наконец! Ну что ты как валенок?

2

А как не быть валенком, если Сережа впервые видел Наденьку такой напуганной. В этом он мог побожиться. Что же получается, он совсем ее не знал? А казалось, изучил всю, до мельчайших (как говорят кэспэшники) фибр души. И на изучение было время. Как-никак, вместе росли. В детские сады ходили разные, но жили в одном дворе. После детского сада непременно сталкивались у ворот. Наденьку папа вел с одной стороны, а Сережу мама — с другой. В эту минуту, мама всегда говорила:

— А вот и твоя невеста! Ну что, побегаешь во дворе, или домой пойдем?

Сережа предпочитал побегать. Они с Надей отправлялись к стоящим у гаражей качелям, а их родители оставались у калитки для долгих разговоров. Затем куда-то незаметно исчезали. Короче говоря, слово «невеста» у Сергея с детства ассоциировалось с Наденькой Лисовской.

Когда в 1981 году они вместе отправились в школу, их сначала распределили в разные классы. Наденьку, как более развитую в «а», а Сережу, как более хулиганистого — в «б». Однако на каждой перемене они каким-то образом находили друг друга, брались за руки и отправлялись гулять. Одноклассники их дразнили женихом и невестой, но ни Сережу, ни Наденьку это не обижало. Они и так знали, что они жених и невеста, поскольку родились не только в один год, но и в один день.

В четвертом классе Сережу Аресова перевели в класс «а», не потому что он поумнел, или стал менее хулиганистым, а потому, что учителя заметили, что в присутствии умницы и красавицы Наденьки Лисовской отчаянный озорник Аресов становился более-менее управляемым. Когда же Наденька заболела ангиной, для учителей наступали черные дни. Аресов распоясывался как пьяный ковбой, и никто никакими силами не мог его урезонить.

Наденька действовала на него, как успокоительная таблетка. Впрочем, ни на него одного она действовала так. Когда Лисовская входила в класс, в нем утихали беготня и гвалт. Учителя заметили, что при Наденьке не только мальчики, но и девочки преобразались и стремились выглядеть лучше. Сама же Наденька была эталоном обаяния. Всегда спокойная, всегда улыбчивая, всегда уверенная и всегда знающая, как себя вести. Поэтому, когда Сергей в ее глазах увидел растерянность, то сам растерялся.

— Что это за тетка? — допытывался он в машине.

— Отстань! Потом! — с раздражением отвечала невеста, морщась, словно от зубной боли.

Она то и дело подносила к губам уколотый шипом палец и капризно хныкала. Укол пришелся на безымянный палец, где сияло только что надетое кольцо. Именно рядом с ним на белоснежном пальчике невесты образовалась черная, кровоточащая точка.

— Перестань сосать палец! Так кровь не остановится, — с раздражением восклицал жених и хлопал ей по ладони. — Господи, да неужели все еще болит?

— Ладно, больше не буду! Все! Забыли!

Потом были бесконечные поздравления, хлеб-соль родителей, поцелуи друзей и подруг; вопли «горько» и сбор подарков, словом, все, как полагается на свадьбе, которая проходила в кафе «Золотое яблоко» на Чистых прудах. Невеста была очаровательна. Она нежно улыбалась, целомудренно тупила взор, иногда отпускала остроумные шутки, словом, была верхом обаяния. Однако жених замечал, что с ней творится что-то неладное. Иногда в разгар веселья ее лицо становилось озабоченным и отстраненным. И Сережа догадывался, что это из-за той тетки в черном платке, которая непонятно зачем сунулась со своими шизанутыми розами. Жених брал тонкую кисть невесты, целовал в ладонь и видел, что черная точка на безымянном пальце рядом с обручальным кольцом все еще напоминала о неприятном инциденте.

Когда веселье в конце концов завершилось и молодых отвезли в институтское общежитие, расположенном на Студенческой улице, Сергей озабоченно спросил:

— Ну как свадьба, ничего? Не утомила? Лично я устал.

— Все отлично, — улыбнулась невеста.

Однако улыбнулась, как японка, которой совсем не хочется улыбаться, но требуется по этикету. Сергей взял ее ла-

дочь и прижал к щеке. Он заглянул Наденьке в глаза, но ее глаза были такими сонными, что у жениха сжалось сердце.

Однако Сережин вопрос был отнюдь не праздным. Дело в том, что невеста не хотела бурного веселья. Она хотела просто расписаться, а затем ограничиться чаем в узком кругу однокурсников. Как говорится, скромно, но от души. Однако на ресторане настояли родители жениха, заявив, что такое событие бывает один раз в жизни.

— Ну и пусть, что студенты! А студенты разве не люди? Ну и пусть, что нет денег! Займем! Мало будет — перезаймем! Зато потом молодым будет, о чем вспомнить!

Брачное ложе в общежитской комнате состояло из двух сдвинутых кроватей. Для торжественности оно было выдвинуто на середину и украшено игрушками и надувными шарамми. Словом, выглядело изуверски. Этот шедевр сотворили подружки невесты. Однако пес с ними, с подружками! Кто вспоминает о них в такой момент?

Как только новобрачные остались одни, Сережа первым делом спросил:

— Ну расскажи, что это была за тетка?

Глаза невесты сделались тревожными. Однако на секунду. Затем ее лицо снова сделалось спокойным и улыбочивым.

— Ты полагаешь, нам больше нечем сейчас заняться, — прошептала она умирающим лебедем и целомудренно отвела глаза.

«А ведь точно, — сверкнуло у жениха. — Ну и мудила же я. Грядет новобрачная ночь, а я о какой-то тетке...»

Однако ни на следующее утро, ни через день, ни через месяц юному мужу так и не удалось узнать об этой косолапой образине в черном платке. Ее начисто вытеснили более существенные проблемы. В первую очередь потрясло то, что его юная жена оказалась не девочкой. А ведь Наденька была строгих правил. Даже ему, Сереже, который с детского сада считался ее официальным женихом, самое большее, чего она позволяла, — это слегка помять грудь. И то, в особо торжественных случаях. На выпускном вечере, например.

«С кем же она успела?» — недоумевал остатки брачной ночи Сергей. В нее были влюблены многие, но едва ли единицы были допущены до элементарной дружбы, не то, что до тела. Да и вся ее жизнь прошла у него на глазах. Вот же черт!

Сергей второй раз за сутки подумал, что, оказывается, совсем не знал ту, с которой рос бок о бок.

Словом, о той тетке пришлось временно забыть. О ней он вспомнил только через год, когда неожиданно заметил на безымянном пальце жены рядом с кольцом крохотную черную точку.

— Ух ты! А укол от шипа так и не прошел? — удивился он. — Кстати, ты мне не рассказала, что это за женщина в черном платке поздравила тебя после нашей росписи?

Жена раздраженно выдернула ладонь из мужниной руки, крепко сжала в кулачек и пожала плечами.

— Не помню.

— Как же не помнишь? — закипел Сергей. — Когда мы вышли из дворца, к тебе подлетела тетка в синем пиджаке и всучила розы. Ты еще укололась и у тебя до сих пор на пальце след. Она тебя еще назвала Венерой.

— Венерой? — пожала плечами жена. — Не было такого. Во всяком случае, я не помню. А эта родинка на пальце у меня с детства. Не веришь, спроси у мамы.

3

Мама не помнила ни о родинке, ни о тетеньке в черном платке. Это и не удивительно. Ее на тот момент у ЗАГСа не было. Однако самое странное, что об этом не помнили и гости, поздравлявшие в тот день молодоженов. Только лучший друг Сереги, Леша Курников, кажется, что-то вспомнил:

— Да, вроде была какая-то тетка с цветами, — ответил он, страдальчески сморщив лоб. — Или я что-то путаю? Скорее всего, путаю. Ведь я заснял на камеру весь процесс до того момента, как вы сели в машину. Тетки там нет. Даю зуб!

Но тетка была. И в этом не было никакого сомнения. Не сошел же Сережа с ума. И след от шипа на пальце юной супруги тоже был. Этого мог не увидеть только слепец. Однако не о слепцах сейчас речь. Вернемся к тетке.

После того, как женщина в черном поздравила молодых, она дворами пробралась к метро «Чистые пруды». Однако до того, как кануть в Московской подземке, трижды воровато оглянулась. Убедившись, что за ней не следят и никто не обращает внимания на ее странный вид, она, пригнув голову, юркнула в метро. Именно не прошла, а юркнула. Одному Богу известно, как она таким же образом прошмыгнула без билета мимо контролера и милиционера. Причем, ни тот, ни

другой даже не косили глаз в ее сторону. Ее просто не увидели.

Доехав до «Комсомольской» женщина самой первой высочила из вагона и устремилась в сторону Ярославского вокзала. Она добежала до кассы пригородных поездов и прежде, чем купить билет, снова воровато оглянулась. Только после этого попросила билет до Сергиева Посада. Вот тут с ней стало немного проясняться. Дело в том, что наши герои тоже были родом из Сергиева Посада. Однако, несмотря на то, что этот Подмосковный городок больше напоминал деревню, Сергей мог поклясться, что никогда не встречался там с этой пришибленной тетенькой.

Когда через полтора часа женщина вышла из электрички, то сразу почувствовала себя раскованнее. В Сергиевом Посаде такие бледные женщины в траурных платках и мужских пиджаках ни у кого не вызывают изумления. Здесь скорее, наоборот — большее недоумение и даже негодование вызывают девицы, сверкающие всеми загорелыми прелестями.

Женщина вошла в одну из пятиэтажных «хрущевок», находящуюся в десяти минутах ходьбы от монастыря, и отперла ключом квартиру № 21 на первом этаже. Торопливо скинув туфли, она с озабоченным видом толкнула дверь в гостиную и только после этого вздохнула свободно. В комнате в инвалидной коляске сидел громадный неряшливый детина лет двадцати. В руках у него были фольга и ножницы. Он угрюмо что-то вырезал и на приход женщины не поднял головы.

— Ну, как ты здесь без меня? — с тревогой спросила вошедшая. — Кушал что-нибудь?

Детина не ответил, продолжая сосредоточено вырезать из фольги человеческую фигуру мужского рода. Комната выглядела мрачно. Мало того, что все окна квартиры выходили на Северную сторону, вдобавок они были занавешены тяжелыми шторами. Из-за этого в квартире даже днем царил сумрак, а ночью — просто кромешная тьма. Форточки здесь также открывались редко. От этого в доме стоял отвратительно затхлый запах. Такой запах бывает в переполненных больницах или в запущенных домах престарелых.

Обстановка была более чем скромной, если не сказать, что убогой. Две железные кровати, одна за занавеской в углу, другая — у окна. У окна спала мать, за занавеской — сын. Также у окна ютился старенький обеденный столик, очень ветхий и очень обшарпанный. Рядом с ним сундук,

служивший стулом. Больше в комнате стульев не было. Хотя справедливости ради нужно сказать, что в кухне еще имелись две табуретки, но они оттуда никогда не выносились. Кстати, в комнате еще стоял старенький платяной шкаф, притулившийся к стене неподалеку от сундука. Остальное пространство занимали полки, заполненные многочисленными фигурками из фольги. По тому, как незамысловатая домашняя утварь была смещена к окну, а самодельные полки до потолка занимали более двух трети комнаты, можно было понять, что изделия из фольги на этих полках ценились больше, чем, к примеру, клубный пиджак с золотыми пуговицами.

Мать бесшумно приблизилась к сыну и зажгла торшер.

— Что же ты опять сидишь в темноте? — беззлобно пожурила она. — Так и глаза испортить недолго.

Детина в инвалидной коляске снова ничего не ответил. Он отложил в сторону ножницы, взял со столика крохотный молоточек и принялся обстукивать только что вырезанную фигурку. После тягостного молчания он наконец произнес скрипучим голосом:

— Ну что, поздравила?

— Поздравила? — выдохнула женщина и, сев на кровать, начала развязывать черный платок.

— Невеста была красивой? — выдавил из себя детина, не поднимая головы.

— Невеста, как невеста, — торопливо ответила женщина. — Все невесты красивые. Нет такой женщины, которая в подвенечном платье выглядит некрасивой.

После новой тягостной паузы, парень поинтересовался с комом в горле:

— Она выглядела счастливой?

— Я бы не сказала, — махнула рукой женщина. — Выглядела как всегда. С чего ей быть счастливой?

Инвалид поднял голову и с ненавистью взглянул женщине в глаза.

— Врешь, мать! Только из-за одного того, что она ходит на своих двоих, а не ездит на инвалидной коляске, можно быть счастливым. А вот я вынужден сидеть и долбить...

Глаза несчастного наполнились слезами. Мать торопливо схватила его вихрастую голову и крепко прижала к груди. Но было уже поздно: он рыдал громко и хрипло, как дитя, которое много лет хранило в себе обиду и вот наконец она провалилась, подобно воде, закованной в дамбу.

— За что, за что я так наказан? — судорожно дергался он.

— Ты разве не знаешь, за что? — притворно удивилась женщина, глядя его голову. — За свой талант. Ведь ты творец, а не простой смертный! А творчество требует жертв.

— И что мне оттого, что я не простой смертный? — белугой рыдал детина. — Я даже помочиться не могу без посто- ронней помощи.

— Зато ты можешь творить миры и повелевать судьбами, — горячо убеждала женщина. — Только художники живут истинной жизнью, все остальные — пребывают в иллюзиях, потому что они не более чем воплощение творцов.

— Отец тоже пребывал в иллюзиях, когда сбросил меня с балкона? — еще пуще разошелся детина.

— Да кто тебе сказал, что он бросил тебя с балкона? — испуганно перекрестилась женщина, украдкой метнув взгляд на икону.

— Я видел это во сне.

— Боже мой, во сне! — передразнила женщина. — Разве ты не знаешь, что во сне все бывает наоборот? Отец тебя обожал. Он лучше бы дал отсечь себе руку, чем уронить тебя с балкона. Паралич у тебя начался уже после его смерти. Тебе было пять. Врачи сказали, что это от какого-то вируса.

— Не от вируса, а оттого, что вы меня не любили.

— Неправда! Мы тебя любили. И сейчас я тебя люблю!

Женщина что было сил прижала жесткую голову сына к своей мягкой груди и разрыдалась. Странное дело, но инвалид всегда успокаивался, когда мать начинала рыдать. Через некоторое время он успокоился настолько, что оттолкнул женщину и снова взял в руки молоточек, которым с еще большим усердием продолжил оббивать силуэт мужчины, вырезанный из фольги. Кстати, если бы многие из этих фигур, что сотворил наш герой в инвалидной коляске, попали бы в руки к мастерам-чеканщикам, то они сочли бы их за величайшие произведения искусств. Фигуры людей были вырезаны и вычеканены настолько тщательно, что через увеличительное стекло можно было разглядеть родинки на их серебристых телах. Мастер почему-то творил исключительно из серебристого материала. По его убеждению, все люди на земле точно пуповиной связаны с космосом именно серебристыми лучами, которые тянутся вверх от их голов. А у серебра к серебру всегда кратчайший путь.

Успокоившись совсем, мать принесла сыну бутерброд с сыром и огромный бокал чая.

— Закуси, сынок. Ой, какого красивого мужика ты вырезал. Он, вероятно, художник?

— Нет! — скривился инвалид. — Он серийный убийца.

Мать вздрогнула и снова метнула тревожный взгляд на висящую в углу икону.

— Разве такие красивые люди могут быть убийцами? — пожалала она плечами.

— А красота тут ни при чем. Он стал убийцей, потому что его в детстве не любили. А потом его не любила жена и ненавидел сын, потому что считал его ничтожеством. Нелюбовь близких, подобно летящему с горы камню, увлекает за собой нелюбовь всего мира. Скажу больше, нелюбовь даже передается по наследству. Вот так, мать! А тем, кого не любят, терять, как правило, нечего. Вот они и отправляются убивать.

— Но почему сразу убивать? — затрясла головой женщина. — Многих великих людей не любили. Леонарда де Винча, например, или Андрея Рублева. Большинство из них добились любви своим творчеством. И не только близких, но и всего мира. Пусть твой несчастный найдет утешение в стихах. Как, например, Вийон, или Цветаева.

— Ха! — воскликнул инвалид. — Стихи выбирают тех, в ком теплится свет. А в нем и до рождения ничего не теплилось.

Инвалид схватил керн, приложил его к фигуре со стороны сердца и ловко стукнул молотком.

— Боже, — всхлипнула женщина. — Прости его, неразумного, ибо он сам не ведает, что творит...

4

В то мгновение, когда керн вошел в сердце серебристой фигурки, в Ростове в квартире Фатуновых раздался телефонный звонок. Пятидесятилетняя хозяйка Валентина Петровна, сидевшая на диване перед телевизором, вскрикнула и схватилась за сердце.

— Ты чего, мать? — удивился сын.

— Ой, не знаю. Напугалась звонка, — виновато засмеялась Валентина Петровна, продолжая держаться за сердце. — Ой, никак не могу отойти. Да что это со мной?

— Сериалов надо меньше смотреть, и на свежем воздухе больше бывать, — беззлобно проворчал двадцатипятилетний сын и поднял трубку.

— Алло! Слушаю!

— Я по объявлению, — ответил на том конце мужской голос с хорошей дикцией. — Это вы продаете фотоаппарат «Пентакс»?

— Да, я! — оживился Виктор. — Кроме того, даю три года гарантии. Он у меня почти новый. Я его только в прошлом году купил. Классная машина. Даже расставаться жалко. Но увы! Недавно я купил «Никон». Сами понимаете, два японских аппарата в доме — это через чур.

— За сколько продаете? — поинтересовались в трубке.

— Всего за восемьсот долларов. Ну, разумеется, с увеличителем и со всеми остальными причиндалами. Словом, полный набор, включая документы.

На том конце слегка призадумались. Впрочем, молчание длилось недолго.

— Цена для меня решающего значения не имеет. Могу я взглянуть на фотоаппарат?

— Хоть сейчас.

Через минуту согласие было достигнуто, и трубка водворена на место. Договорились, что покупатель придет домой к Виктору в девять вечера, и если фотоаппарат подойдет, то он сразу и расплатится рублями по курсу Центробанка.

— Может быть, рублями не устраивает? Просто не хочется тратиться на комиссионные. Зачем валютных спекулянтов поощрять?

— Устраивает! Мне как раз нужны рубли к свадьбе.

Виктор радостно хлопнул в ладоши и вошел в комнату к матери.

— Ну вот, мать, покупатель есть!

— Слава богу! — облегченно вздохнула женщина, продолжая потирать грудь. — Хоть к свадьбе деньжата будут. А то совсем нет. Ой, что у меня с сердцем сегодня? Принесика валерьянки.

Ровно в девять вечера в прихожей Фатуновых раздался звонок. Валентина Петровна как раз уютно расположилась в гостиной перед телевизором. Началась очередная серия мексиканского сериала. В такие минуты ее лучше не трогать. Можно круто нарваться. Валентина Петровна слышала, как сын открыл входную дверь и поздоровался с гостем. У гостя был хорошо поставленный, чуть сипловатый голос. Он гово-

рил негромко, но его дикция была настолько безукоризненной, что было все слышно дословно. Это Валентине Петровне не понравилось, и она прибавили звук. Сын с гостем проследовали в комнату Виктора и пробыли там около получаса. Точнее, до двадцати одного двадцати восьми. Это потом заставит вспомнить следователь прокуратуры. Как раз на этом месте, невеста дона Педра узнала, что он не только женат, но и имеет трехлетнего сына.

— Каков мерзавец! — в ужасе прошептала Валентина Петровна, и в это время услышала, как сын с гостем вышли из комнаты. Виктор взглянул к матери.

— Мама, я поехал к Анжелике. Я у нее заночую, так что не жди.

Вот в этот момент Валентина Петровна и взглянула на часы. Она хотела сказать, что поздно ехать к невесте на другой конец города, однако на электронном табло светилось всего 21:28. К тому же в это время глаза невесты дона Педра стали круглее ведра.

— Ну что, он покупает фотоаппарат? — поинтересовалась Валентина Петровна, не отрываясь от экрана.

— Все о,кей! — радостно кивнул сын. — Мы сошлись на семистах долларах. Лично я доволен.

— Слава богу, — выдохнула Валентина Петровна. — Он деньги уже отдал?

— Отдаст по дороге. Он как раз живет в том районе, где Анжелика.

На этих словах Валентина Петровна, оторвалась от экрана и повернулась к сыну с недоуменно выгнутой бровью.

— Почему по дороге, а не сейчас?

— Потому что у него рубли. А я, все-таки, решил взять долларами. Так оно надежнее. По дороге мы заедем в обменный пункт, и в обменном пункте он со мной рассчитается.

Ответ вполне удовлетворил Валентину Петровну, и она снова впиалась в экран, где мерзавец дон Педро, кусая губы, лепетал какие-то оправдания.

— Счастливо, сынок, — произнесла Валентина Петровна. — Деньги запрячь подальше.

Когда они хлопнули входной дверью, у женщины возникло желание подойти к окну и посмотреть, как они садятся в машину. Белая «четверка» сына стояла тут же под окнами. Потом она до конца жизни будет казнить себя за то, что не встала и не посмотрела. Зато она четко услышала, как из открытой форточки донеслись два резких хлопка. Это хлоп-

нули дверцы «жигулей» Виктора. После этого завелся мотор, и они уехали.

Когда серия закончилась, Валентина Петровна все-таки подошла к окну. Но машины, разумеется, уже не увидела. Женщина ни с того ни с сего зябко поехала и пошла в спальню разбирать постель. Когда она легла, снова какая-то игла вонзилась в грудь. «Сердце стало совсем никудышным», — последнее, что подумала она и уснула.

Когда в прихожей раздался звонок, ей показалось, что она проспала не более двадцати минут. Валентина Петровна с тревогой выскочила из постели и взглянула на часы. Боже, было уже три часа ночи! Все ясно. Виктор опять поссорился с невестой. «Если она сейчас так выкобенивается, что же будет после свадьбы?» — проворчал кто-то в голове.

Женщина проследовала в прихожую и поглядела в глазок. Однако ничего не увидела, поскольку в коридоре перегорела лампочка.

— Кто там? — спросила Валентина Петровна, схватившись за собачку замка.

— Откройте, это милиция, — ответили из-за двери.

— Милиция? — удивилась Валентина Петровна. — А в чем дело?

— Виктор Фатунов ваш сын?

— Мой! — вздрогнула женщина, чувствуя, как внутри все сжимается от страха.

— Его только что убили.

5

— Нет, этого не может быть! Вы ошиблись. За что его убивать? — точно помешанная повторяла Валентина Петровна, когда милицейский «УАЗик» летел по ночным улицам. — Он никому ничего плохого не делал. Его все любили в школе, в институте, во дворе. И на работе любят. У него через две недели свадьба. Вы сказали, что убитый найден в семидесяти метрах от собственной машины? Ну, так это точно не он. Зачем ему так далеко отходить от своей машины. Нет, это не он. Я в этом уверена! На сто процентов уверена, что не он.

Сидящие по бокам милиционеры молчали и отводили глаза. Женщина с дрожащим подбородком всматривалась в них и продолжала причитать:

— Он поехал к своей невесте, Анжелике. За что его убивать. Он совершенно не агрессивен. Ни в какие драки никогда не ввязывался. Это такая порода. Он у меня очень хороший сын. Послушный. Умница. Школу закончил с отличием, институт — с красным дипломом. Увлекается фотографией. В четвертом классе занял первое место среди фотографов Ростова. Кстати, он и поехал с фотоаппаратом. Скажите, у убитого найден фотоаппарат?

— Фотоаппарат? По-моему, нет, — неуверенно ответил сидящий впереди сержант.

— Вот видите! — обрадовалась женщина. — Значит это не он. Я говорю вам, что не он. Он сейчас у Анжелики...

— Фотоаппарат дорогой? — спросил сержант, не поворачивая головы.

— Дорогой, — кивнула женщина. — Хотя и любительский. Называется «Пентакс». Витя купил себе «Никон», профессиональный. А этот решил продать... — женщина осеклась и испуганно посмотрела на сидящего рядом милиционера. — А что, могут убить за фотоаппарат? Вообще-то он не настолько дорогой. Витя купил его за 800 долларов. Столько стоит новый. А он снимал им не больше года.

Сидящей рядом милиционер отвернулся. Сержант с переднего сидения ответил:

— Идиотов много. Я уже ничему не удивляюсь.

Через десять минут милицейский «УАЗик» прибыл на место происшествия. На шоссе около пятиэтажного дома стояла белая «четверка» с распахнутыми дверцами. Вокруг нее копошились эксперты. Еще милицейский «УАЗик» не остановился, а женщина срывающимся голосом закричала:

— Да, это же машина Витеньки! Что же это делается? Боже, пожалей нас, грешных!

Через две минуты трясущуюся женщину подвели к телу, накрытому белой простыней. Когда простынь откинули, Валентина Петровна лишилась чувств. Потом ее долго приводили в себя при помощи нашатырного спирта и успокоительных уколов. После этого следователь прокуратуры протянул ей мобильный телефон.

— Узнаете?

— Да, это телефон моего сына, — простонала женщина.

— Точно? Посмотрите внимательнее!

— Я что, не знаю Витенькин телефон? Отдайте мне его?

— Извините, пока отдать не можем. Это вещественное доказательство. Мы изъяли его у задержанного.

— Где эта сволочь? — сверкнула глазами Валентина Петровна, поднимаясь с носилок. — Я хочу посмотреть ему в глаза.

— Успокойтесь, Валентина Петровна, — мягко произнес следователь, усаживая ее на место. — Его увезли. Так вы говорите, что у вашего сына был с собой японский фотоаппарат?

Следователь оставил рыдающую женщину на попечение врачей и вернулся к машине.

— Фотоаппарат не обнаружили?

— Ни фотоаппарата, ни пистолета нет, Николай Александрович, — ответил оперуполномоченный. — Мы обшарили все кусты. Ствол он мог скинуть только в кусты. Хотя возможно, бросил на тротуар, и потом его подобрали подростки.

— Какие подростки в такой час? Продолжайте искать.

— Свидетельница утверждает, что видела трех подростков во дворе на скамейке: двух мальчишек и девчонку. После того, как в машине раздались выстрелы, они исчезли.

— Приведите свидетельницу. Я с ней сам поговорю, — приказал начальник.

Через минуту к следователю подвели щуплую худощавую женщину лет пятидесяти. Она была в байковом халате, наглухо застегнутом на все пуговицы, и домашних шлепанцах на босу ногу. Женщина не выглядела растерянной, или испуганной. Напротив, в ее глазах сияло радостное возбуждение.

— Я уже засыпала, — начала повествовать свидетельница, не дожидаясь вопросов. — Вдруг сквозь сон слышу, что по шоссе едет легковая машина и останавливается в аккурат под моими окнами. Я как-то сразу насторожилась, потому что живу на втором этаже. Залезть в мою квартиру элементарно. «Мало ли что за люди?» — подумала сквозь сон. И еще подумала, что нужно встать и закрыть форточку. А сама не двигаюсь, прислушиваюсь. Слышу, в машине кто-то говорит. Слов разобрать нельзя, но смысл понять было можно: типа, не волнуйся, все нормально, сейчас приеду. По телефону, стало быть, говорил. С женщиной.

— Почему решили, что с женщиной? — поднял брови следователь.

— Ну потому, что ласково говорил. С мужчинами так не говорят. И потом он сказал «целую». Это я расслышала. Так вот, сразу же после того, как он сказал «целую» раздались выстрелы. Три выстрела подряд. Прямо в самой машине. Я вскочила и подбежала к окну. Ну, напугалась, естественно,

поэтому смотрела одним глазом из-за шторы. Так вот, увидела, как из машины выскочил парень и побежал прочь. Причем, в сторону бензоколонки побежал. Сначала он бежал нормально, затем его стало качать. «Пьяный!», — сначала подумала я. Но после того, как он оглянулся и упал, я сообщила, что он раненый. Он зажимал обеими руками сердце. Причем одна рука была сжата в кулак. Я потом поняла, что в руке у него был телефон.

— Он что-нибудь кричал?

— Нет! Не вымолвил ни звука. Все происходило молча. Он два раза падал и два раза поднимался, и при этом хоть бы пискнул. Добежав до бензоколонки, парень упал окончательно и затих. Через некоторое время к нему подошел какой-то человек, наклонился, что-то сказал и быстро пошел прочь. Раненый поднял голову. Затем уронил на асфальт и больше не поднимал.

— Откуда вышел человек? Из машины? — насторожился следователь.

— Не знаю. Он вынырнул откуда-то из темноты. Может из кустов, может еще откуда? Мне почему-то кажется, что он с самого начала шел за ним, прячась за кустами.

— Так значит, все-таки из машины?

— Я этого не говорила. И не видела. Возможно, что и вышел. Я же вам сказала, смотрела одним глазом из-за шторы, низко наклонившись к подоконнику. Так что машину мне не всегда было видно. Но по моему, из машины никто не выходил. Я бы услышала, как открылась дверца.

Следователь поблагодарил свидетельницу и подошел к эксперту. Тот протянул ему в полиэтиленовом пакете три стреляные гильзы от пистолета ПМ.

— В водителя стреляли с переднего сиденья, — произнес он. — В это время дверь со стороны пассажира была открыта, поэтому свидетельница не слышала шума открываемой двери. Не исключено, что он вышел вслед за жертвой, юркнул в кусты и шел за ним за кустами. Одна пуля попала в шею, другая в область сердца, третья в печень. Смерть наступила около двенадцати. Плюс, минус — десять минут. Кстате, убийца стрелял не из «Макарова». Видите? Гильзы обточены. Видимо, в стандартном виде они не лезли в его пистолет.

— Пистолет по-прежнему не найден?

— Увы, Николай Александрович.

Было элементарно повесить убийство парня на некоего Дербасова, которого через пятнадцать минут после стрельбы задержала патрульная служба. Кто-то из жильцов дома, расположенного в ста метрах от бензоколонки № 36, позвонил в милицию, и из дежурной части сразу передали сообщение патрульной машине.

— Будьте осторожны, преступник вооружен, — предупредил дежурный.

— Это он пусть будет осторожен, — скрипнул зубами командир патрульного экипажа, и в эту же минуту милицейский «жигуль» с визгом развернулся на пустой дороге и что было газу понесся в сторону бензоколонки.

Город уже видел второй сон. Этот район, неподалеку от аэропорта, с наступлением сумерек словно вымирал, поэтому любое шевеление в тени пирамидальных тополей по обе стороны шоссе у милиции вызывал прилив адреналина. И вот в десяти минутах ходьбы от бензоколонки во дворе за деревьями проскользнула чья-то тень.

— Ну-ка разверни машину, — приказал сержант, доставая из кобуры пистолет.

Фары скользнули по кронам тополей, и милиционеры четко разглядели бегущего во дворы человека. Машина рванула ему наперез. Человек юркнул в арку какой-то темной подворотни. Там-то он и был настигнут, схвачен и с закрученными руками повален на землю выскочившими из машины оперативниками.

— Ребята, вы чё, я живу вот здесь, через дом.

— Тогда зачем убегал?

— Я думал, бандиты за мной гоняться. Я не видел, что тачка ментовская. Отпустите, а! Я никому ничего плохого не делал.

Задержанного обыскали. Кроме водительского удостоверения из его кармана извлекли охотничий нож, плеер и мобильный телефон «Моторола». Личность задержанного немедленно установили. Мужчина оказался жителем Ростовской области Валерием Дербасовым тридцати лет от роду. Как выяснилось, он только что освободился из мест не столь отдаленных. Пять лет назад Дербасов был осужден за разбой.

Поэтому то, что он действительно снимал квартиру через два дома, не было взято во внимание. Приятеля заключили в наручники и посадили на заднее сиденье «жигулей». Через пару минут наряд был на том самом месте, откуда так рьяно рвал когти гражданин Дерebasов. На асфальте, в тридцати метрах от колонки лежал молодой человек. Сквозь белую футболку проступало три кровавых пятна. Выскочивший из машины старший группы поднес к его остекленевшим глазам фонарик и на выдохе произнес:

— Готов!

Сержант вернулся к машине и злорадно вцепился Дерebasову в рубашку.

— Твоя работа?

— Клянусь, что не моя, — вытаращил глаза освободившийся. — Расскажу все, как на духу! Да, я его видел. Не отрицаю! Он шел мне навстречу и качался. Я подумал, пьяный! Подошел поближе, мать честная! На груди живого места нет. Все в крови. Я хотел ему помочь, а он возьми и упади. Я подошел, а он уже мертвый.

— И ты сразу бежать, — сдвинул брови милиционер. — Почему не вызвал «скорую».

— Да сами понимаете, почему! Я только что освободился. Меня же первого заметут. Да к тому же здесь в радиусе километра нет ни одного автомата?

— У тебя же был «мобильник».

Дерebasов открыл рот, но не нашелся, что ответить. Его смущение не ушло от внимания патрульного.

— Ну, что молчишь? — подозрительно сощурился он.

— Да хрен его знает, как им пользоваться? Это не мой телефон, а кореша одного...

Оказалось, что телефон убитого. Но это была единственная улика против Дерebasова. Орудие убийства так и не обнаружили, хотя милиция обнюхала каждый сантиметр дороги, по которой следовал подозреваемый. Также непонятно, куда делся фотоаппарат с запасным увеличителем. На пути Дерebasова было два канализационных колодца. В принципе, он мог скинуть фотоаппарат с пистолетом в колодцы, однако следователь Замятин шестым нюхом чувствовал, что Дерebasов здесь ни при чем.

Когда мать Фатунова опознала телефон, Дерebasов чистосердечно признался, что вырвал его из рук умирающего. В ту минуту он был еще жив. Что касается «мокрого» дела, то Дерebasов клялся, что к этому отношения не имеет. Конеч-

но, впереди еще намечалось обследование канализационных люков, где могли быть обнаружены фотоаппарат с пистолетом, но это, скорее всего, из сферы фантастики. «Если Дербасов по пути действительно скинул улики, то почему не избавился от сотового телефона и охотничьего ножа? Телефон — это не менее существенная улика, а нож — холодное оружие? — соображал Николай Александрович. — Нет, Дербасов здесь ни при чем. Это как пить дать...»

— Да он убил, больше некому, — сбивали с мысли опера из криминальной милиции. — Запросите санкцию. Мы уверены, что при обыске найдем у него на квартире патроны от ПМ.

Это был явный намек на предложение облегчить работу прокуратуре. Однако Замятин отрицательно покачал головой.

— Учтите, если вы подкинете ему патроны от ПМ, то я вас заставлю разыскать и сам пистолет, и тиски, на которых он обтачивал гильзы. Кстати, судя по обточенным патронам, фигурант стрелял из итальянского пистолета, типа «Беретта».

Обыск на квартире Дербасов был произведен. Кроме заточки никаких патронов обнаружено не было. Не было обнаружено даже героина, поскольку в РОБОПе знали, что Замятин терпеть не может, когда при обыске подкидывают обличающие вещдоки.

После того, как канализационные люки были исследованы, и в них ничего найдено не было, оставалась дожидаться результатов экспертизы. Если стрелял Дербасов, то на его пальцах должны оставаться частички пороха. Частичек не обнаружили. Дербасов точно тут ни при чем. Но он мог быть соучастником. Осталась последняя надежда на мать убитого. Следователь знал, что Валентина Петровна хоть и не видела предполагаемого убийцу (а это, безусловно, покупатель фотоаппарата), однако четко слышала голос, который по ее уверению, узнала бы из тысячи. Для чистоты эксперимента на магнитофон записали еще два голоса. Валентина Петровна внимательно прослушала все голоса и заявила, что один из них очень похож. Но это был голос помощника прокурора.

— А этот голос вам не знаком? — уточнил Замятин, повторно прокрутив пленку с голосом Дербасова.

— Что вы? — замахала руками Валентина Петровна. — И близко нет. Это какой-то блатной говорит, а тот был голос интеллигентного человека. Я хорошо помню.

После эксперимента в отношении Дерebasова возбудили уголовное дело только по факту хищения телефона, а расследование самого убийства зашло в тупик. Через месяц после инцидента Замятина вызвал прокурор и спросил прямо:

— Ну что с убийством Фатунова? Висяк?

— Похоже, что висяк, — вздохнул следователь.

7

А в это время в Москве, как раз в тот час, когда в кабинет Замятина вели в наручниках задержанного Дерebasова, в общежитии «Станкина» на улице Студенческой просыпались вчерашние молодожены. Первым открыл глаза Сергей. Ему казалось, что он за всю ночь не сомкнул глаз. Однако это было не так. Он не только сомкнул, но еще ему приснилось не менее десятка каких-то невообразимых снов. Точнее сказать, это были рваные клочки одного и того же сна.

Надежда спала на боку лицом к нему, по-детски подложив под щеку свою полупрозрачную ладонь. Ее лицо, обрамленное нежными кудряшками, как всегда, было спокойным и обаятельным. Сергей отметил, что она улыбчива даже во сне, а вот ему, кстати, было не до улыбок. Юного мужа всю ночь терзали две вещи: первая — что Наденька до него уже с кем-то была (это вызывало не столько уныние, сколько недоумение) и вторая — что новобрачный процесс любви прошел как-то быстро и холодно. Все закончилось за пять минут, а через пятнадцать — Наденька уже сопела, предварительно отпустив шутку, что супружеский долг исполнен и теперь можно заснуть с чистой совестью. И она действительно заснула с чистой совестью, хотя новоиспеченный муж хотел продолжения. Осталось она удовлетворенной, или разочарованной, Сережа так и не понял. Ночью он трижды прикладывался к ее груди, но она молча сбрасывала руку, и при этом не думала просыпаться. Словом, первая брачная ночь с Надей, которую жених (откроем тайну) воцарил с третьего класса, больше разочаровала, нежели осчастливила. Единственное чувство, которое более-менее тешило Сережино самолюбие, это то, что теперь она его законная собственность.

Приблизительно в половине одиннадцатого утра Надежда открыла глаза и, увидев таращившегося на нее Сергея, весело рассмеялась. Она обвила его шею лебедиными руками и прильнула к нему, будто наэлектризованная рубашка.

— Ты такой серьезный, словно собираешься читать научный доклад, а не лежишь в постели с молодой женой. Расслабься, Серьга! Что ты как валенок, в самом деле? Извини, я вчера так устала, что не заметила, как отрубилась.

От сердца немного отлегло. Однако одна игла все еще продолжать торчать. Сергей тяжело вздохнул и спросил не своим голосом:

— У тебя до меня кто-то был?

Надежда залилась счастливым смехом.

— Ты поэтому такой угрюмый? Не забивай голову всякими глупостями. Успокойся. Я вся твоя, без остатка!

Юная жена в то утро была так нежна и ласкова, что муж согласился: действительно, все пустяки. «Все это немислимые старомодные глупости», — подумал он и решил больше не задавать щекотливых вопросов. Второй акт постельной сцены закончился еще быстрее, чем первый. Надежда к порыву юного мужа отнеслась, скорее, снисходительно, чем вожделенно. Она не была страстной, не стонала, не закатывала глаз, не кусала губ. Она только льнула и улыбалась.

— Тебя было хорошо? — спросил Сергей, тяжело дыша и не находя сил даже сползти с нее.

— Конечно, — ответила она. — Только не кончай так громко. Мы все-таки в общежитии. Здесь такая слышимость.

Такой рассудочности в подобные минуты Сергей не понимал. У него (чего скрывать?) была одна девушка на первом курсе из параллельного потока, которая, ни в пример Наденьки, позволяла ему все. Впрочем, не ему одному.

Это была жгучая фигуристая молдаванка, заводившаяся с полуоборота. Стоило только Сергею коснуться ее руки, и у него перехватывало дыхание. Дальше — как удар молнией: руки начали хаотично обшаривать ее тело, по пути цепляя и срывая все, что мешало доступ к пылающей наготы. В ответ Наталицу охватывала дрожь. Она начинала вожделенно стонать и без чувств заваливаться на первую попавшуюся койку. Все остальное происходило точно в бреду. Только после того, как Сергей приходил в себя, с изумлением замечал, что лежит полураздетый. Разоблачиться полностью он никогда не успевал. Рядом в изнеможении лежала Наталица. Бесстыже голая. И когда успевала раздеться?

Если она лежала спиной, в позе Данаи, изящно выгнув и без того сумасшедше круглое бедро, Сергей не выдерживал и начинал покрывать ее поцелуями. И все опять начиналось сначала. Это была какая-то ненормальная страсть, которой невозможно было противостоять.

Их встречи происходили исключительно по четвергам, и всегда в ее комнате. В этот день у них на курсе бывала производственная практика. Наденька отправлялась в центр студенческой практики на «Авиамоторную», а Сергей — на завод «Крептон». Однако на этот завод они с Наталицей всегда опаздывали, а иногда вообще не приходили. Четверг — был их днем. Все остальные дни принадлежали Наденьке и их платоническим чувствам, поскольку она официально считалась Сережиной невестой. Отношения с Наталицей нельзя было назвать ни ласковыми, ни нежными, ни тем более — любовными. О какой любви могла идти речь, если с ней переспала вся мужская половина курса. Все об этом знали, и никто друг к другу не ревновал. Она, должно быть, потому и перевелась в другой университет, что в «Станкине» уже всех познала.

Когда Сергей узнал, что Наталица покидает «Станкин», то вздохнул с облегчением, поскольку дикая страсть к ней ставила их отношения с Наденькой под удар. Разумеется, у Сергея и мысли не было связывать с Наталицей жизнь. Такие, как Наталица, не предназначены для жизни. Такие предназначены исключительно для постыдных развлечений. Взять в жены? Да упаси боже!

Однако именно Наталица просветила нашего героя в области женских страстей. Надежда по сравнению с такими женщинами — айсберг в океане. Но, вероятно, такими и должны быть жены: спокойными, устойчивыми, рассудочными. Необузданная стихия и непредсказуемость — в семейной жизни ни к чему.

В то утро Сергей спросил себя: хотел бы он, чтобы его жена была такой же горячей, как Наталица? Пожалуй, не хотел. Нет-нет, без лукавства! Вот если бы для него одного — это пожалуйста! Однако так не бывает. Страсть стихийна. А это значит, она — либо для всех, либо ни для кого. Вот любовь индивидуальна.

Кажется, на такие философские темы в то утро Сергей думал впервые. «Вот же черт! А ведь еще не успел жениться».

В это время из коридора уже доносились смех, беготня и звон посуды на общей кухне. Общага, она и в Африке общага. Люди в первую брачную ночь стараются уединиться в какие-нибудь пустынные места: уезжают от людей, от цивилизации, на безлюдные побережья, в горы, на турбазы, или на худой конец — в деревни. Но, увы! Студенты не могут себе этого позволить. А общежитие не располагает к тому, чтобы долго нежиться в постели.

Надя поднялась, накинула на себя махровый халат и открыла створку шкафа, где было зеркало. Сережа посмотрел на часы. Было без пятнадцати одиннадцать.

— Ну что, встаем? — спросила Надя, взяв в руки расческу.

— Что-то не хочется, — недовольно пробурчал Сергей.

Надя обернулась и рассмеялась.

— Я тоже не прочь поваляться, да боюсь, не дадут. Уже одиннадцать. Даже удивительно, как до этого времени к нам еще никто не вломился.

— А уже не имеют право вламываться, — ответил с кровати Сергей. — Теперь мы муж и жена. Нас тревожить нельзя. Все это понимают. Поэтому не беспокоят.

Надя положила расческу на тумбочку, вернулась к мужу и присела на кровать. Ее смеющиеся глаза сделались лукавыми.

— Ты хоть осознаешь, что теперь — все! Твое детство закончилось. Мы теперь связаны на всю жизнь. Ты должен заботиться обо мне и о семье. Валять дурака тебе уже не солидно. Да я и не позволю. Потому что теперь мы — единое целое. Мне даже сегодня по этому поводу приснился сон. Будто легли мы с тобой в какую-то огромную постель, самую что ни на есть настоящую, супружескую, а не на две сдвинутые койки. И вдруг, не успели мы обняться, как на нас сверху упала сеть. И не простая, а железная. Я хотела скинуть ее, но не смогла. Ты хотел порвать ее, но тоже не смог. Этот сон я поняла, как символ того, что теперь мы связаны с тобой одной судьбой.

— Надька! — прошептал с вытаращенными глазами Сергей. — Ты не поверишь, но мне снилось то же самое.

Только после этого Сергей вспомнил, что ему снилось в эту ночь. Причем, вспомнил все, до единой детали. Сон ему дико не нравился, поэтому он так часто просыпался. Но когда снова проваливался в черную дыру, сон продолжался именно с того момента, с какого прервался.

А снились ему беломраморные дворцы, которые ужасали своими исполинскими размерами. Ему снились какие-то пышные рощи из черт знает каких растений, возможно из оливок, которых он никогда не видел. Снились пышные луга и розовое небо. Вообще, надо отметить, что там, где он пребывал, было довольно красиво, но Сережу угнетало чувство, что он чужой на этом празднике великолепия, что его тут не любят и не ждут. Он даже знал, за что не любят: за его драчливый характер и за то, что он подвержен стихийным страстям. В этом уголке, куда его непонятно каким ветром занесло, ценились мудрость и благоразумие. Сергей хорошо знал, что ни тем, ни другим он не обладает, однако вынужден обитать в таком диковинном обществе.

Во сне он имел совсем иную внешность, нежели наяву. Он был нескладен и некрасив. Носил черную бороду и смоляные волосы. Завитки длинных кудрей поминутно попадали в глаза, и их приходилось откидывать. Его не звали по имени, а звали только по фамилии, и то без окончания. Это считалось высшей степенью пренебрежения.

Сергей знал, что красавица Надя, которой все здесь восхищались, его также не любила, однако она оказывала ему знаки внимания и строила двусмысленные намеки, исключительно для того, чтобы вывести из терпения свою подругу, которая откровенно ненавидела Аресова. Наяву невозможно описать ту тоску, которая была постоянной спутницей Сережи в мире сна. То была тоска по Наденьке.

Однажды в ее ожидании он одиноко бродил по оливковой роще и вдруг, раздвинув густые заросли, увидел узкую тропинку, устремленную в гору. Между двумя деревьями была натянута алая ленточка и на ней болталась табличка с надписью «Стоп! Опасно для жизни».

Аресов, поглазев по сторонам и убедившись, что за ним не подглядывают, воровато устремился вверх по этой тропинке. Подъем был крутой. У Сережи дважды возникало желание вернуться, но любопытство гнало дальше. На самой вершине деревьев почти не было. Только у противоположного края горы стояли два громадных кипариса, между которыми висела алая ленточка с табличкой «Не подходить!» Се-

режа не мог не подойти. Не для того он сюда лез, чтобы подчиняться каким-то надписям на табличках.

Он приблизился, посмотрел вниз и вскрикнул от страха. Такую высоту можно было увидеть только с самолета. Склон с противоположной стороны горы, был не просто отвесным, но еще обрывался рваными зубьями внизу у облаков. Складывалось ощущение, что гора висит в воздухе над облаками, а там, внизу, в белесой дымке простиралась серая земля. Земля была так далека, что виделось, как она закруглялась к полюсам.

Именно на этом моменте Сергей проснулся в первый раз. Сердце отчаянно колотилось, поджилки тряслись. «Какое счастье, что это только сон», — подумал новобрачный и обнял жену, лежавшую к нему спиной. Наденька протяжно вздохнула, как будто произнеся «но ведь ночь, же! можно, наконец, подождать до утра?» и, не просыпаясь, сняла его руку со своей груди.

«Теперь фиг засну!» — с досадой подумал Сергей и вдруг почувствовал, что мчится сломя башку вниз по той же тропинке, по которой только что взбирался вверх. Внизу он, наконец, увидел ту, которую ждал и по которой так отчаянно тосковал. Но к досаде она была не одна, а со своей подругой, которая терпеть не могла Аресова. Девушки брели по роще, вставляя друг другу шпильки. Сергей, прячась за деревьями, последовал за ними, надеясь, что рано или поздно их шуточки приведут к ссоре.

— Так, я не поняла, ты выходишь замуж за моего брата, или даешь отворот? — допытывалась подружка.

— Разумеется! — лукаво отвечала Наденька.

— Выходишь по любви, или не хочешь обижать моих родителей? Не подумай, что они тебя принуждают.

— По любви, успокойся! Я все делаю по любви, — рассмеялась Надежда.

«Это еще за кого она собралась?» — насторожился Сергей. — Вот это ни фига себе!» Впрочем, он, кажется, знал, за кого. За одного хромого кузнеца, который появился здесь недавно. Кажется, кузнец из простолюдin. Во всяком случае, долгое время жил среди таковых.

У мраморной беседки, стоящей на краю оливковой рощи, подруги звонко чмокнулись и расстались. Это было из области невероятного. Первый раз в жизни они не разошлись врагами. Сердце Аресова забилося чаще. Он шел за На-

денькой, прячась за кроны деревьев, будто зверь, держащий в поле зрения добычу.

На огромной поляне Сергей выскочил из-за дерева и бесшумно подкрался сзади. Надя обернулась и воскликнула: «Ты?» Аресов не ответил. Он вцепился в ее платье (впрочем, это было не платье, а скорее античная тога) с намерением разорвать одежду в клочья. Бедняжка отбивалась, как могла: она кричала, царапалась, кусалась, звала на помощь Богов. Только где хрупкой девушке совладать с таким сильным и жадным животным. Когда он уложил ее на обе лопатки, то понял, почему невеста не досталась ему девочкой. Потому что он сам же ее и испортил.

На этой мысли Сергей проснулся во второй раз. Сердце отчаянно колотилось. «Какой я все-таки мерзавец», — вопил кто-то внутри. Только потом Сергей сообразил, что это был не более чем сон.

«Фу ты, слава Богу! — облегченно вздохнул он и во второй раз обнял супругу, полагая, что сейчас имеет на нее законные права. — Мало ли на свете таких идиотов, каким я был во сне?»

Однако и на это раз Наденька, не просыпаясь, отвергла его объятия. Сереже ничего не оставалось, как перевернуться на спину и философски закинуть руки за голову. Сон ему определенно не нравился. «Все, достаточно! — прошептал он неизвестно кому. — Не хочу больше смотреть эту белиберду».

И как будто, внимая его пожеланиям, ему приснилась Наденька, нежно держащая его руку и обволакивающая ласковым взором. «Вот это другое дело, — подумал во сне Сергей. — На такое смотреть еще куда ни шло».

Они сидели в какой-то беседке, обвитой густым плющом, и над головами щелкали соловьи.

— Хочу, — страстно прошептал Сергей, впиваясь жадными губами в ее шею. Однако его кучерявая борода уперлась в ее узкую ладошку.

— Стоп! Только не здесь.

— Нет, здесь! Здесь и теперь!

— Сумасшедший! Рядом муж. Он все слышит, — лукаво сощурилась Наденька и погрозила пальчиком.

Аресов прислушался. Действительно сквозь соловьиное щелканье раздавался звон молота, бьющего по наковальне.

— Тогда где и когда? — скрежетнул зубами Сережа.

— Послезавтра, в полночь. Мой муж будет в мастерской.

Аресов уткнулся лицом в ее грудь и плаксиво простонал:

— До послезавтра не дотерплю. Придумай что-нибудь! Ты же Богиня.

— Какие мы нетерпеливые, — покачала головой Наденька и запустила свои тонкие пальцы в его смоляные кудри.

— Здесь и теперь, — воскликнул Аресов, пылая от вождения, и в очередной раз проснулся.

Сердце восторженно билось, и с головой творилось что-то невообразимое. Руки сами потянулись к спящей жене, но, и как в предыдущий раз, он получил решительный отпор. Можно было ее разбудить и настоять. Брачная ночь как-никак! Однако что-то ему подсказывало, что свои притязания следует отложить до утра.

Минут через десять Аресов остыл и успокоился. Не успел он сомкнуть глаз, как ему снова приснилось, что он идет по какому-то изуверскому залу, где вместо потолка звездное небо, а сам зал невероятных размеров с громадными колоннами и скульптурами по бокам. «Куда опять меня занесло?» — в очередной раз удивился Сережа и внезапно вспомнил, что находится в доме Наденьки, и что он направляется ни куда-нибудь, а в аккурат в ее роскошную спальню.

Аресов пошел тише, поскольку грохот от его грубых сандалий бил по мозгам. Хотя излишняя осторожность не имела стратегического значения. Сережа точно знал, что сегодня хромонного мужа Наденьки дома нет.

Когда он вошел в спальню, то сразу увидел на роскошной пурпуровой ложе предмет своего вождения. Наденька почти обнаженная лежала на боку в позе Данаи и спала. Вернее, претворялась, что спала. Аресов хорошо изучил ее эротические штучки, заводящие мужчин, поскольку не в первый раз являлся сюда. Сейчас он на цыпочках приблизится к ней, поцелует в бархатное плечико, и она с притворным удивлением проснется:

— Это ты? Как мило. А я тебя совсем не ждала.

Такая ложь только разжигало похотливое нутро Аресова. Он на цыпочках приблизился к ложу и осторожно прилег рядом. Прежде, чем коснуться возлюбленной, он решил полюбоваться ее роскошной плотью. Однако полюбоваться не удалось. Внезапно с потолка упала сеть и защелкнулась по бокам. Надежда попыталась вскочить и сдернуть ее с себя, но не тут-то было. Аресов вцепился в нее руками и хотел разорвать. Но черт! Сеть была словно выкована из металла.

— Что это такое? — удивился он.

— Это муж придумал такую штуку, чтобы нас застукать, — прошептала бледными губами Наденька.

И сразу же после этих слов в спальню вбежал хромой, черноволосый великан. Глаза его лихорадочно блестели, подбородок дрожал, со лба стекал пот. При виде копошившихся под сетью любовников он злорадно расхохотался и во всю глотку завопил:

— Идите все сюда! Я их поймал!

9

Больше всего на свете восемнадцатилетняя Юля Горбовская боялась мертвецов. Когда ей, студентке второго курса Ростовского медицинского училища, предложили подработку — поухаживать за бабкой-инвалидкой, которая не нынче завтра умрет, Юлия воскликнула:

— Да вы что! А вдруг я приду, а она мертвая! Я же с ума сойду.

— А ты не доводи ее до коматозного состояния. Кстати, ты у нее можешь пожить. У бабки две комнаты.

Тут уже было о чем задуматься. Жить в цивилизной квартире, хоть и с инвалидкой за стеной, в любом случае лучше, чем в студенческом общежитии.

Юля сходила на улицу Московскую, где жила бабка и не увидела ничего ужасного. Старушка даже понравилась. На умирающую Клавдия Львовна никак не походила. Ну, сидит инвалидка в своей инвалидной коляске, ездит себе по комнате и курит.

То, что бабка без конца смолила «Беломор», оказалось очень весомым аргументом в пользу ее жизнелюбия. «Такие добровольно не умирают», — подумала Юля и дала согласие ухаживать за ней. Сварить суп и вынести за Клавдией Львовной парашу, ничуть не напрягало Юлю. Как-никак, девушка деревенская, простая. И не такое приходилось выгребать. Вот только с житьем в соседней комнате получился облом. Оказывается ту комнату бывшая нянька, тоже студентка, но только педагогического училища, втайне от родственников бабки, сдавала приезжим и командировочным. Баба Клава не возражала, поскольку из этих денег ей тоже кое-что перепало, все более на папиросы. Словом, ночевать в квартире иногда было можно, но постоянно жить нельзя.

Вечером, пятнадцатого сентября Клавдия Львовна предупредила Юлю, что бывшая сиделка, которую зовут Настей, приведет на постой очередного приезжего. Когда около восьми вечера Юля отправилась в общежитие, Настя с клиентом еще появилась.

На следующий день лекции закончились в четыре часа. Юля сначала заехала в магазин за продуктами, а потом отправилась на Московскую. Как говорится, в тот день ничто не предвещало беды, и никакие дурные предчувствия не терзали невинной души девушки. Это она помнит точно. Даже, когда Юля вошла в квартиру, и тогда ничто не насторожило ее. Было пятнадцать минут седьмого, как вспомнит она потом по просьбе следователя прокуратуры.

— Баба Клава, это я, — прокричала с порога Юля, переобуваясь в потрепанные тапочки. — Хлеба я не купила. Сегодня доедим вчерашний. Купила быстрорастворимый геркулес и киевские котлеты. Полуфабрикат.

Ответа не последовало. Такое бывало часто. Бабушка не очень хорошо слышит.

Юля прошла в кухню, разгрузила сумку и только после этого уловила какой-то странный немного удушливый запах. Сначала подумала, что в очередной раз протухло мусорное ведро, однако оно оказалось не только пустым, но даже помытым. Студентка направилась в гостиную и заметила, что дверь комнаты, в которой должен остановиться приезжий, слегка приоткрыта. Девушка постучалась, но никто не ответил. Она заглянула в комнату и взвизгнула. На полу вниз лицом лежал какой-то парень в джинсовой куртке. Его затылок покрывала бордовая короста запекшейся крови с крохотной дыркой посередине. Не нужно быть врачом, чтобы определить, что парнишка мертвый.

Юля в ужасе попятилась назад, непроизвольно заруливая спиной в гостиную. В глазах слегка помутилось, и к горлу подкатила тошнота.

— Баба Клава, что здесь произошло?

Девушке показалось, что сидящая в инвалидной коляске старушка приветливо кивает и виновато улыбается. Даже стало досадно, что она сидит в своем кресле на колесиках и не ведает, что творится за стеной. Когда сиделка подошла поближе, то завизжала так, что вздрогнули жильцы соседних этажей. На лице старушки не было никакой улыбки. Ее лицо скорее выражало недоумение, и даже некоторое негодование. Остекленевшие глаза были немного с прищуром и

смотрели осуждающе. Между глаз у Клавдии Львовны была такая же, как у парня, кровавая короста из запекшейся крови, и в середине черная дырка. В отличие от парнишки покойница издавала резкий трупный запах.

Через полчаса обе комнаты квартиры были заполнены людьми. Одни деловито сыпали черный порошок на ручки дверей и столы, другие что-то строчили в раскрытые папки. Двое понятых робко жались к обувному ящику в прихожей и ждали, когда их позовут для освидетельствования. Бледная Юля с трясущимся подбородком в десятый раз пересказывала, что в последний раз видела старушку живой вчера около восьми вечера.

— Нельзя ли вспомнить поточнее, — настаивал оперуполномоченный, сурово сверля зрачками бедную студентку медицинского.

— Нет, не знаю, — кусала губы свидетельница. — У меня не было часов. Могу сказать только одно, что как только я приехала в общагу, сразу начался сериал про дона Педро. А он начинается в девять.

— А сколько ходу до вашего общежития, — хитро сощурился опер.

— Ну, минут двадцать, тридцать, если на троллейбусе. А если на трамвае — минут сорок, не меньше.

На этих словах в квартиру вошли два работника областной прокуратуры. Один из них, наш знакомый сорокапятилетний следователь Николай Замятин, второй двадцатитрехлетний оперуполномоченный Владимир Степанов. Быстро осмотрев оба трупа, Замятин пробормотал себе под нос:

— Парня — в затылок, бабку — в лоб. Весьма оригинально.

К следуку подошел мужчина в белом халате и попросил сигарету. Неторопливо закурив, он произнес будничным голосом:

— Смерть у обоих наступила мгновенно. Приблизительно между половиной девятого и девятью. Так, что сиделка должна была столкнуться с убийцей носом к носу. Она в это время выходила из подъезда.

— Клянусь, что никого не видела, — затряслась Юля. — Теперь я главная подозреваемая, да?

— Вспоминайте лучше, девушка, — посоветовал опер из криминальной милиции. — Это в ваших интересах. Может

быть, в это время, когда вы выходили из подъезда, на улице курил какой-нибудь мужчина.

— Подожди! Почему именно мужчина? — выгнул брови Замятин.

— Потому, что эксперты обнаружили следы от мужских ботинок. Убитый обут в кроссовки. Значит это не его следы. Следовательно, женщина убийцей быть не могла. Что касается девушки, которая, якобы, должна была привести сюда постояльца, то ее не было. За это эксперт дает зуб.

Что бывшая сиделки Настя в квартире не появлялась, Замятин уже знал. И не только знал, но и успел проверить ее алиби. Она в это время сидела в кафе в компании друзей. Что касается ее клиента, который намеривался здесь переночевать, то он раздумал, и снял номер в гостинице Ростов.

— Чем открывали замок? — спросил Замятин у криминалистов.

— Ключом. Чем же еще? Во всяком случае, никаких царапин от отмычки мы не обнаружили.

— А сколько от этой квартиры ключей? — поинтересовался оперуполномоченный Степанов.

— Дочь убитой утверждает, что два. Один был у нее, другой у Юли. Покойная ключей не имела, поскольку не имела возможности выходить из дома. Но был еще третий ключ у Анастасии Петуховой, бывшей сиделке. Она его сделала втайне от дочери жертвы. Вот им-то и пользовались постояльцы.

— То есть, любой клиент, ночевавший здесь, мог сделать дубликат? — уточнил Замятин.

— Теоретически, любой, Николай Александрович, — согласился оперуполномоченный. — Я поговорил с Петуховой. Ни одной фамилии постояльца она не помнит, поскольку паспортов не спрашивала. Даже не может назвать точного числа мужчин, которые ночевали в этой квартире.

— Придется вспомнить, — нахмурился Замятин, профессиональным нюхом уловив, что это убийство пахнет «висяком».

К следователю подошел эксперт и протянул в целлофановом пакете две гильзы от ПМ.

— Посмотрите, Николай Александрович, гильзы обточенны! Похоже, что их застрелили из того же оружия, что и Фатунова. Помните, весной его грохнули в собственной «четверке»?

Сразу личность убитого установить не удалось. Как он попал в квартиру пенсионерки Голубевой, оставалось неясным. Настя, сдававшая приезжим комнату, твердо заявила, что такого среди ее клиентов не было. Основной ее контингент — это мужики, которым за сорок, в большей части командировочные и приезжие, словом, те, которые хотят сэкономить на ночевке в отеле. Предприимчивая студентка сдавала комнату вдвое дешевле, чем стоил самый дешевый одноместный номер в гостинице «Ростов». Двадцатилетних парней, по ее словам, квартира с инвалидкой за стеной не устраивала.

В кармане убитого не было найдено документов, кроме какой-то квитанции с печатью фирмы «Интел инсайд». С квитанцией Замятин поручил разобраться оперуполномоченному Степанову.

Убитому на вид было не более двадцати. Одет довольно прилично. На бомжа не похож. Кто и за что всадил ему пулю в затылок в чужой квартире, было загадкой. Также было непонятно, за что могли убить беззащитную пенсионерку? Ограбление отпадало. Денег у нее не было. Из убогой обстановки также взять нечего. У парня тоже денег было немного. Всего 500 рублей, и какая-то мелочь. Самое поразительное, что соседи в тот вечер не слышали выстрелов. Никого из посторонних в подъезде также не видели. Все говорили одно и то же: в девять начался сериал, и весь дом, затаив дыхание, прилип к телевизорам. Что происходило снаружи, уже никого не интересовало. Но если бы случилось что-нибудь из ряда вон выходящее, соседи бы, конечно, услышали. Однако ничего из ряда вон выходящего не происходило. Незвестный убийца пристрелил обоих настолько тихо, что никто ни ухом ни рылом. «Стало быть, профессионал, — подумал Замятин. — Однако где это видано, чтобы профессионалы убивали беззащитных инвалидов?» Хотя Голубева, по уверению соседей, была не такой уж и беззащитной. В подъезде все ее ненавидели. Больше всех кипели злобой соседи снизу.

— Она свою квартиру превратила в притон, — брызгала слюной соседка с нижнего этажа. — Уже пора присматривать место на кладбище, а она все туда же. У нее, вы не поверите, перебывало мужиков, ну просто дикое количество. И все

приводили девок. Такие веселья с визгом и плясками закатывали, что хоть из дома беги. Мы даже милицию вызывали.

— Вы сами видели постояльцев? — уточнил Замятин.

— А то! — выкатила глаза домохозяйка. — Все, как один, жирные и лысые, с красными рожами.

— Узнать можете?

— А чего не узнать? Узнаю, конечно!

Однако никто из жильцов, которые прежде сталкивались с постояльцами Голубевой, не заметил в подъезде посторонних. Также никто не помнил, чтобы у дома стояла чужая машина. Но машина все-таки была.

Ближе к вечеру в прокуратуру вернулся оперуполномоченный Степанов и с порога крикнул, что установил личность убитого.

— Это студент четвертого курса Ростовского политехнического университета Сергей Смирнов. На всякий случай я провел опознание. Его опознали родители и его друг Алексей Стаканов.

— Как ты вышел на родителей? — поинтересовался Замятин.

— Через квитанцию, которая лежала у него в кармане. «Интел инсайд» — оказывается фирма в Ростове довольно известная. Она занимается торговлей компьютеров. Месяц назад с фирмой заключили договор два студента Политехнического, Стаканов и Смирнов. Они подрядились брать на реализацию ноутбуки. По словам директора фирмы, ребята показались ему серьезными. К тому же, оба прекрасно образованны в области оргтехники. Прежде, чем предложить деловое партнерство, зарегистрировались по всем правилам в качестве индивидуальных предпринимателей. За месяц они сбыли в Ростове шесть ноутбуков. Прикинь, Саныч! А говорят, люди бедно живут. Четыре дня назад они взяли на реализацию седьмой ноутбук «Сони». Начальник сказал, что за него они еще не рассчитались.

— И уже вряд ли рассчитаются! — сверкнуло глазами Замятин.

— Почему? — удивился опер.

— Неужели не понял? Смирнова убили из-за компьютера? Так же, как и Фатунова — за фотоаппарат. Где этот Стаканов? Я хочу с ним поговорить.

— Здесь. Позвать?

Через пару минут в кабинет вошел высокий белобрысый юноша лет двадцати двух. Он выглядел подавленным. Уны-

ло войдя в кабинет, парнишка осторожно присел на край стула и виновато опустил глаза.

— Извините, у меня жуткий депрессняк. До сих пор не могу привыкнуть к мысли, что Серегу убили. Как же так? Еще позавчера я разговаривал с ним по телефону...

Юноша осекся и зажмурил глаза. Сглотнув слюну и шмыгнув носом, он бросил виноватый взгляд на следователя.

— Давайте по порядку! — предложил Замятин, закуривая. — Итак, вы решили со Смирновым заняться бизнесом.

— А чё по порядку? — встрепенулся студент. — Ну, учились мы с ним вместе в Политехе. Подружились еще на абитуре. Мировой был парнишка. Месяц назад мы решили создать с ним свою фирму по продаже ноутбуков. Распределили так, что на мне будет организационная и техническая часть, а на Сереге — доставка ноутбуков клиентам, поскольку у него машина.

— Машина? — насторожился Замятин.

— Да, «жигуль»! «Шестерка». Ему отец на восемнадцатилетие отвалил. Точнее, отец ему свою старую отдал, а себе купил новую «девятку». А Сереге по фигу! Старая — не старая, лишь бы ездила. Он чувак без претензий.

— Значит, он развозил ноутбуки на машине?

— А на чем же еще? Не под мышкой же таскать! Все-таки, вещь не дешевая.

— Выходит, последнему клиенту он тоже повез ноутбук на машине.

— Думаю, что да. Не на трамвае же? Сначала клиент созвонился со мной. Перед тем, как мы начали работать, я дал объявление в газету «Из рук в руки». Благодаря этому у нас с середины августа улетело шесть компьютеров. И вот тринадцатого сентября позвонил новый клиент. Он назвался Сашей. Клиент сказал, что хотел бы приобрести ноутбук не дороже двух тысяч баксов. Я ответил, что такой компьютер есть. Фирмы «Сони». Устраивает? Он сказал, что ему все равно, какой фирмы, лишь бы работал. Мы договорились встретиться у кафе на улице Московской. Собственно, встречу назначал он. Сказал, что живет там, неподалеку. В этот же день я взял со склада компьютер, однако встреча не состоялась. Он позвонил вечером и попросил перенести встречу на завтра. На следующий день утром я лег на обследование в больницу. Компьютер оставил дома, ключи передал Сереге и дал ему номер телефона клиента. Вече-

ром Сергей мне позвонил и сказал, что компьютер забрал, но встреча на Московской снова не состоялась. Клиент попросил перенести ее на следующий день.

— На пятнадцатое? — уточнил Замятин.

— Да! На полдевятого вечера. Больше Сергей мне не звонил. А сегодня в больницу приехала милиция и сказала, что моего друга застрелили.

Студент в очередной раз шмыгнул носом и умолк.

— Опишите голос клиента, — попросил Замятин.

— Ну, — закатил глаза Стаканов, — голос такой, понимаете, не колхозный. Интеллигентный, можно сказать, голос. К тому же, клиент, как мне показалось, был хорошо подкован технически. Во всяком случае, у меня не возникло чувства, что имею дело с дилетантом. Речь у него поставлена не фигово и дикция, как у диктора радио.

— Так-так, — стряхнул пепел следователь. — А что за кафе на улице Московской? Как называется?

— Затрудняюсь сказать. По-моему, оно там единственное.

Следователь отпустил свидетеля и набрал номер опера Степанова.

— Володя, поезжай на Московскую. Найди кафе. Говорят, что оно там единственное. Посмотри, нет ли по близости белой «шестерки»?

Через полчаса в кабинете раздался звонок. Звонил Степанов. Его голос был возбужденным.

— Ты знаешь, Саныч, стоит! В пяти метрах от кафе «Тихий Дон». Белая «шестерка» Смирнова. Я уже пробил. Хозяин кафе говорит, что она здесь стоит со вчерашнего вечера.

— Это кафе далеко от дома Голубевой?

— Нет, не далеко! Всего через два дома. Ходьбы — минуты две. Из машины, кстати, отлично просматривается подъезд Голубевой. Видимо, убийца знал сиделку старушки в лицо и спокойно мог видеть, когда она выйдет.

Замятин откинулся в кресле и закрыл глаза. Он так делал всегда, когда хотел довести до логического завершения сверкнувшую мысль.

«Итак, убийца хорошо знал Юлю. Но это не все. Он еще знал, что в тот вечер постоялец откажется от квартиры. Черт! Не здесь ли собака зарыта? Так-так-так!».

Следователь нервно закурил.

«Если клиент дважды назначал встречу у кафе на улице Московской, значит заранее спланировал привести Смирно-

ва на квартиру Голубевой, — продолжал соображать Замятин. — Однако в эти дни в квартире ночевала Юля. Не по этой ли причине убийца отменял встречи тринадцатого и четырнадцатого сентября? Причем оба раза, со слов Стаканова, звонил около семи. Приблизительно к этому времени, если пристально следить за подъездом, становилось ясно, остается студентка ночевать у Голубевой, или нет. Однако пятнадцатого сентября студентка задержалась до восьми, и убийца встречи не отменил. Следовательно, он точно знал, что у Голубевой ночует постоялец, а значит, Юля обязательно отправится в общежитие. Вот где разгадка! Убийце было известно, что, во-первых, сиделка не ночует, а во-вторых, что постоялец в последний момент откажется от квартиры. Мать честная, а может, постоялец и есть убийца?»

Замятин затушил сигарету, поднялся с места и подошел к окну. Версия интересная, но она имела существенные недостатки. То, что убийца бывал в квартире Голубевой, в этом сомнений не было. Не потащит же он потенциальную жертву в незнакомое место. Однако если это так, то был риск, что Настя могла вспомнить командировочного, ночевавшего в квартире у Голубевой. Но девушка утверждает, что сама вышла на клиента и видела его впервые. Это первое. Второе: известно, что убийца интеллигентного вида, с правильной речью и хорошей дикцией. Настин же клиент мужланистого вида, и немного бубнит. Следовательно, убийцей он быть не мог. Но мог быть соучастником. Единственно, что не стыкуются, что Настя первая заговорила с ним в вестибюле гостиницы «Ростов».

Замятин сорвал с аппарата трубку и набрал номер оперуполномоченного:

— Володя, пробей того типа, который хотел ночевать у пенсионерки. По словам Насти, он заночевал в гостинице «Ростов».

11

А что же наши московские молодожены? Они за этот период между двумя убийствами в Ростове успели съездить в Крым, полазить по карпатским горам и пару недель потуневать на одной из подмосковных турбаз. Медовое лето еще можно было продолжить, но к августу закончились деньги, которые гости накидали на свадьбе. Пришлось остатки

лето провести в Сергиевом Посаде у родителей: десять дней у родителей мужа, и десять дней у родителей жены.

За день до начала учебного года супруги Аресовы снова вселились в свою общежитскую комнату на улице Студенческой. После Крымских отелей и Карпатских теремов это тесная, с засаленными углами и продавленными кроватями комнатуха показалась жалкой и убогой.

— Все! Праздник жизни закончился, — кисло вздохнула Надя, когда супруги вошли в свою общежитскую комнату.

Она бросила тяжелую сумки на пол и без сил рухнула на сдвинутые кровати. — Опять впрягайся в эти скучные чертежи, механику, сопромат.

Молодой муж чутко уловил, что жену ввергло в уныние не столько предстоящая учеба, сколько убогий студенческий быт, от которого они отвыкли. «А когда-то эта комната была райским уголком, — грустно подумал Сережа. — И было наплевать, что полы обшарпаны, а обои замызганы. Главное, что комната отдельная и на пятом этаже, где в основном живут семейные».

Пятый этаж считался элитным. Он был в общежитии самым чистым и самым спокойным. Здесь не пили, не матерились, не устраивали разборок и драк, не вышибали пяткой двери, когда терялись ключи. Пятый этаж был святым. Здесь, можно сказать, жили университетские небожители. Когда молодоженам Аресовым дали ключи от комнаты пятого этажа, они от счастья едва не умерли. А сейчас, словно были изгнаны из рая и брошены в преисподнюю. «Не нужно было ездить в Крым, — подумал Сережа. — И в Карпаты не нужно было ездить».

— Не нужно было ездить в Крым, — повторила жена, и муж вздрогнул.

— Почему? — удивился он. — Тебе не понравилось?

— Очень понравилась! — счастливо улыбнулась Надя и блаженно хрустнула мосолочками. — Только мы потратили уйму денег. А эти деньги нам нужно было положить на книжку. Потом бы они пригодились. Ведь мы будем покупать квартиру.

— Квартиру? — рассмеялся Сергей, устраиваясь к жене под бочек. — Ну ты скажешь? Разве можно простым смертным купить в Москве квартиру?

Надя строго взглянула мужу в глаза и произнесла:

— Но ведь люди каким-то образом покупают.

— Им папы с мамами покупают, — отмахнулся Серега и с рычанием вцепился зубами в молнию юбки.

— Подожди, — оттолкнула Надя. — А Курникову тоже родители купили?

Серега так и замер с язычком от молнии в зубах. Это был удар не в бровь, а в глаз. Если к кому Серега и ревновал свою юную жену, то это к Лехе. Курников был не равнодушен к Лисовской с абитуры и неоднократно приглашал ее в ресторан. Пригласить в ресторан девушку ему было не в напряг. Он единственный из студентов имел собственные деньги и в весьма достойном количестве. Причем зарабатывал их сам. Родителей у него не было.

Курников был таким деловым с самого начала. Он единственный из всех во время студенческих попок сохранял трезвый рассудок. Каждое утро, с какого бы бодуна он не просыпался, Леха одевался в спортивный костюм и устраивал пятикилометровый пробег. Затем принимал холодный душ. Зима ли, лето — для него не имело значения. Душ он принимал ежедневно, независимо от времени года. Когда в общежитии отключали горячую воду, Леша Курников был единственным, который к этому изуверству относился с равнодушием. Один черт он мылся исключительно ледяной водой. Если бы еще он спал на гвоздях, то по аскетизму бы превзошел Рахметова. Рахметов, как известно, только спал на гвоздях, да читал книги злопыхательного толка, словом, вел паразитический образ жизни, а кто его кормил и поил, не известно. Курников же с первого курса шуровал в какой-то коммерции: что-то покупал, продавал. В перерывах между лекциями к нему приходили какие-то люди, иногда довольно солидного возраста, которые выглядели, как члены правительства. Он всем им давал указания, распоряжения. Частенько запросто вытаскивал из кармана пачку долларов и требовал, чтобы его компаньон немедленно купил какую-то собственность.

К концу первого курса Курников ушел из общежития. Он снял двухкомнатную квартиру на Новослободской, в двадцати минутах ходьбы от университета, и стал приезжать на занятия на девятой модели «жигулей». Леха первый из студентов их потока обзавелся собственной машиной. К концу третьего курса, когда Сергей с Надеждой решили расписаться, Курников купил собственную двухкомнатную квартиру на «Баррикадной».

— Ну ты скажешь тоже, — недовольно выдохнул Сергей, отрываясь от молнии жены, — Курников — это феномен.

— А что, у него десять рук, или мозги из нейлона? — нервно рассмеялась Надежда. — По-моему, он такой же человек, как и мы. Только мы ленимся, а он работает. Если мы любим зря терять время, то он не любит. Вот и вся разница. Еще мы не можем поступиться своими мелкими удовольствиями, а он ими пренебрегает. А кто пренебрегает мелкими удовольствиями, тот знает толк в больших удовольствиях, и они ему будут даны. Ты обрати внимание: он всегда занят. А то, что у него ума больше чем у тебя, я в это не верю.

Последнее было сказано настолько тактично, что муж благодарно уткнулся супруге в грудь. Если бы она сказала, что Курников настоящий мужчина, это выглядело бы, как упрек.

Надежда нежно погладила Сережины вихры и больше ничего не добавила. «Она умеет быть деликатной и тонко направить в нужном направлении, — с уважением подумал Сережа. — И действительно, разве не позор для главы семьи, что они на четвертом курсе живут в общежитии».

Обычно в общежитии жили только первокурсники. Иногда второкурсники. А третьекурсники — уже большей частью на квартирах. К этому времени уже все куда-то пристраивались, и все где-то подрабатывали, причем — некоторые настолько прилично, что позволяли себе не только снимать квартиры, но и ездить на иномарках. Серега за все время учебы не ударил пальцем о палец. Всю жизнь существовал только на стипендию. Позор! Это еще надо благодарить судьбу, что первая красавица университета вышла за него замуж. А могла ведь выйти за Курникова.

— Я уже об этом думал, — соврал Сережа. — Я еще в Крыму решил, что как только мы вернемся в Москву, то я сразу же начну искать работу.

— А я уже нашла! — засмеялась Надя. — Завтра пойду на собеседование в одну солидную компанию по торговле канцелярскими товарами.

12

— Как я поняла, он какой-то мент, — морщила круглый лоб двадцатилетняя студентка Педагогического училища. — Когда я вошла в холл гостиницы «Ростов», он сидел за сто-

лом и заполнял квитанцию. Я спросила: «Мужчина не желаете остановиться в квартире? Цена за ночь на порядок ниже, чем номер в гостинице. Он сразу заинтересовался. Спросил, что за квартира, где она находится?»

У Насти были светло-рыжие волнистые волосы, собранные в пучок на макушке, высокий покаты́й лоб, вздернутый веснушчатый нос, сочные губы и острый, выпяченный вперед подбородок. «Типичная немецкая кукла, — думал Замятин, вглядываясь в ее темно-синие глаза. — Судя по упрямому лбу, она многого добьется».

— Вы находите клиентов только в гостинице «Ростов»?

— Да! Поскольку это самая дешевая гостиница в городе, и в нее стремятся не очень денежные командировочные.

Темно-синие глаза допрашиваемой слегка просветлели. Видимо, тема была для нее приятной. «В прагматичности ей не откажешь», — усмехнулся про себя Замятин.

— Вы каждый день приходите в гостиницу?

— Что вы? — улыбнулась Настя. — Только когда нужны деньги. Только вы не подумайте, что уломать клиента на ночь с инвалидкой так просто. А тот мент быстро согласился.

— Но почему вы решили, что он мент?

— Потому что во время заполнения анкеты он достал не паспорт, а красное удостоверение. Я подглядела. Там было написано РОБОП. А может, не РОБОП. Может, что-то наподобие РОБОПа. Но мне показалось, что именно РОБОП. Хотя я не настаиваю.

— А имя с фамилией вы не подглядели? — вмешался в разговор Степанов, исключительно для того, чтобы не рассмеяться.

— Нет! — хлопнула ресницами студентка. — Имя с фамилией к сожалению в глаза не бросились.

— Очень жаль, — покачал головой Замятин. — Опишите товарища.

— Он такой здоровой, мужланистый мужичина. Вот такая пачка, — показала на себе Петухова, поднеся растопыренные пальцы к щекам. — Ну, роста среднего. Приблизительно метр семьдесят. Глаза голубые. Стрижка короткая, под ежичка. На вид лет двадцать семь, не больше. При разговоре немного бубнит. В общем, мы договорились с ним встретиться на улице Московской у подъезда дома. Договорились на шесть часов. На всякий случай дала ему номер своего мобильного. В шесть я подошла к подъезду, но тут он позвонил и сказал, что раздумал ночевать на квартире инвалидки,

поскольку сегодня ночью в гостиницу должно приехать его начальство. Ну, я раз такое дело, пошла на свидание к другу. Мы с ним договорились встретиться в кафе «Шоколад».

— Жаль, что не в кафе «Тихий Дон», — не сдержал сарказма Степанов. — А почему вы не позвонили Юле и не сказали, что ночевка клиента отменяется?

— А ей какая разница? — пожалала плечами Настя. — Мне это как-то в голову не пришло.

После того, как Настя ушла, Степанов шаловливо подмигнул начальнику:

— Деловая девица! — Затем, стукнув себя по лбу, добавил: — Саныч, а ведь за день до убийства Фатимова, к ним в квартиру тоже приходил сотрудник РОБОПа. Я тогда не взял во внимание, а сейчас, когда она описала клиента, я вспомнил. Описания совпадают.

— Ну-ка, поподробнее! — заинтересовался Замятин.

— Мать убитого рассказывала, что он приходил днем. В это время у нее были гости, две соседки сверху. В дверь позвонили. Валентина Петровна открыла. По ее словам, перед ней возник такой мордорот бандитского вида, что она напугалась. Однако мордорот достал удостоверение и сунул ей в нос. На словах сказал, что он из отдела по борьбе с организованной преступностью. Назвал звание и фамилию. Фамилию она не запомнила, а звание — капитан. Товарищ спрашивал, кто в подъезде держит квартирантов. Она, естественно, рассказала, все что знала. Затем он спросил: а вы случайно не держите? Валентина Петровна рассказала, что живет вдвоем с сыном, и что сын часто ночует у невесты. Одним словом, Саныч, если это был наводчик, то он получил полный расклад.

Замятин задумчиво почесал бровь.

— Поскольку фамилии нет, проверить, работает ли таковой в РОБОПе, не представляется возможным. А с другой стороны, Володя, в Ростове всего несколько РОБОПов. В чине капитана также единицы. Попробуй пробить! Найди этого капитана. Пусть расскажет, что за квартирантов он искал на улице Московской?

Два часа спустя криминалисты сообщили сенсационную новость. На заднем сиденье машины Смирнова найдена мужская ветровка. В кармане находился паспорт на имя Сергея Якутова, уроженца Ростова, 1965 года рождения. Там же стоял штамп с Ростовской пропиской. Владелец документа проживает на улице Ленина в доме № 12.

В тот же час был пробит домашний телефон Якутова. Однако позвонить по нему Замятин не рискнул, чтобы не спугнуть.

В десять вечера из областной прокуратуры выехали две милицейские машины, которые на огромной скорости понеслись в сторону улицы Ленина. В одной из них с серьезным лицом сидел Замятин.

Прибыв по адресу, следователь первым выскочил из машины, влетел в подъезд и нетерпеливо, по-мальчишески вбежал на четвертый этаж. Не раздумывая, он вдавил кнопку звонка в дверной косяк. Оперативники едва успели встать по бокам с пистолетами наголо. За дверью послышались шаркающие мужские шаги. Замятин уже приготовился что-то соврать на вопрос «кто там», но дверь неожиданно открылась без всякого вопроса. На пороге стоял пузатый мужичек в спортивном костюме с висячими, как у сома усами. Его вид был настолько простоватым, что Замятин сразу сообразил, что это не тот, кого они ищут.

— Добрый вечер! — как можно приветливее произнес следок. — Здесь проживает Сергей Якутов, 1965 года рождения.

— Здесь! — простодушно кивнул мужичек и только тут заметил, что по бокам вжаты в стены орлы с пистолетами в руках. Глаза его округлились, челюсть отпала, сомовьи усы стали еще более обвислыми.

— Спокойно, мы из милиции, — пояснил Замятин и для убедительности достал удостоверение. — Он сейчас дома?

— Да вот же я перед вами стою! — возмутился мужичек. — А в чем собственно дело?

Следователь поднял брови. Опера переглянулись. Фотография в паспорте не имела ничего общего с оригиналом. Замятил вытащил из кармана документ.

— Это ваш паспорт?

— Мой! — дурашливо засмеялся хозяин, раскрыв его на середине. — Где вы его нашли? Я его посеял три года назад. Сейчас у меня новый паспорт.

Якутов открыл страницу с фотографией и вздрогнул.

— Боже мой! Это что за урод? Паспорт мой, а фотография не моя. Прошу вписать в протокол.

Последнее он мог не говорить. Оперативники попрятали пистолеты в карманы, следователь тяжело вздохнул.

— Точно ваш паспорт? И номер с серией совпадают? Проверили?

— Обижает, начальник. Данные старого паспорта я и на том свете вспомню. Как-никак, он у меня с восемнадцати лет...

Когда Замятин в первом часу ночи вернулся в прокуратуру, то наткнулся на Степанова. Его вид не внушал оптимизма.

— В гостинице уверяет, что пятнадцатого сентября никакие представители правоохранительных органов не оставались, — отчеканил Володя. — Я пробил всех постояльцев, которые заселились в гостиницу в тот день. Того, кого описала Петухова, среди них не было.

— Это точно? — нахмурился Замятин.

— Даю зуб!

— А РОБОПы пробил.

— Так точно! Ни в одном из Ростовских РОБОПов капитала с такими внешними данными нет.

13

Похоже, убийство студента и пенсионерки тоже пахло «висяком». Возможно, в паспорте было фото убийцы, только что из этого? Физиономия самая что ни на есть непримечательная: чуть продолговатое, однако ближе к круглому лицо, коротко стриженные черные волосы, средних размеров глаза, средних размеров нос, средних размеров губы и ничем не примечательный подбородок. Это не фотография — это фоторобот. Под этот стандарт подойдет каждый десятый прохожий мужского пола. «Должно быть, правду пишут в эзотерических книгах, что человек, перед тем, как сойти на Землю, сам выбирает себе внешность, — усмехался про себя Замятин. — Видимо, этот, намериваясь стать преступником, специально сотворил себе такую заурядную физиономию».

В кабинет следователя вошел оперуполномоченный.

— Ну что, Саньч, объявляем фото в розыск?

— А стоит ли? Посмотри на эту морду. Ни одной характерной приметы.

Степанов взял паспорт и с кислой усмешкой покачал головой.

— Ты прав, патрон. Это пустая трата времени. Все надежда на информаторов. Рано или поздно ноутбук всплывет.

— Это в том случае, если убийца не гастролер. Сдается мне, что он не из Ростова. Слишком неосторожно действует.

Такое ощущение, что хочет побольше хапнуть и смыться. А может, уже смылся.

— Вряд ли. Не так уж много он и хапнул. Всего-то фотоаппарат и компьютер, общей стоимостью чуть более двух с половиной тысяч долларов. Прикинь, Саныч, три трупа за два с половиной куска! Человеческая жизнь для него — тьфу! Не правда ли редкий у блюдонок? Что будем делать, шеф? Пока зацепок никаких.

— Будем ждать. Должен же он когда-нибудь проколоться.

14

С каждым днем Сергей все больше убеждался, что жена у него не только умница и красавица, но и деловой человек, из тех, кто не бросает слов на ветер. Поначалу он подумал, что Наденька слегка приврала о своем собеседовании в солидной фирме. Небольшую долю фантазии в желаниях Сергей допускал, да и что таить — сам нередко принимал желаемое за действительность.

Ведь, в самом деле: когда супруга успела созвониться с директором фирмы и договориться о собеседовании? Теоретически, у нее не было времени. Со дня свадьбы они не расставались ни на минуту. Так вот, оказывается, созвонилась и нашла время. И спросите, когда? За день до росписи! Уму непостижимо. Надежда ездила в эту фирму четырнадцатого июня, а роспись было назначена на пятнадцатое. Могло такое Сергею прийти когда-нибудь в голову? Да ни за что на свете! Такое могло прийти в голову только Курникову. Но он ненормальный.

А Серега самый что ни на есть нормальный. Накануне свадьбы он ни о чем другом думать не мог, кроме как о том, что завтра он будет раздевать Наденьку, и она не будет возражать. От этой мысли жениха лихорадило. Он не знал, чем занять себя перед свадьбой, и не нашел ничего лучшего, как собрать друзей и пуститься в разгул.

Мальчишник будущий супруг организовал в счет завтрашних денег, которые им с Наденькой должны были накидать на свадьбе. Занял, естественно, у Курникова. (И, кстати, до сих пор еще не отдал). Неприятно. Но что делать? Курников великодушен. Он простит.

А вот Наденька вместо девичника, на который тоже имела полное право, поехала в фирму договариваться о работе.

Там ей сказали, что осенью открывается еще несколько точек и понадобятся менеджеры по сбыту канцелярской продукции. Если у нее серьезные намерения работать в серьезной фирме, то нужно набраться терпения. А пока можно заполнить анкету и пройти тест.

Умница Наденька сделала и то, и другое. И ничто не заставило забыть ее об этом. Как оказалось, она звонила в фирму трижды: из Крыма, из Подмосковной турбазы и из Сергиева Посада. И все три раза подтвердили, что планы у фирмы не меняются и о ней помнят. А вот три дня назад, двадцать восьмого августа, когда она позвонила от родителей, ей сказали, что филиал открылся, и что первого сентября ее ждут на собеседование. Больше всего Серегу поразило, что об этом она не обмолвилась ни словечком. Ни с кем. Если бы у него маячила перспектива работы в высокооплачиваемой фирме, то об этом бы знала вся Москва.

Итак, первого сентября Серега пошел в Университет, а Надежда отправилась на собеседование. В университете все, естественно, спрашивали, почему он без второй половины? Сергей отвечал уклончиво, типа, делает укладку в парикмахерской и должна с минуту на минуту явиться.

— Она что, кудряшки распрямляет? — недоумевали однокурсники. — Зачем ей укладка?

Действительно, недоумевать было чему. Надежда никогда не делала укладок и почти никогда не пользовалась косметикой. Косметика могла только испортить ее природную красоту.

Разумеется, вранье было не самым изобретательным, но соврать попросила жена, поскольку о самом заветном, по ее разумению, нельзя говорить вслух. Удача не любит болтливых.

Наденька появилась на третьей паре. Когда она вошла в кабинет, все озарилось — так она сияла. Снисходительно приняв поцелуи и поздравления подружек, она под села к мужу и хитро подмигнула.

— Неужели взяли? — удивился он.

— Пока без оклада. Если подойду, будут платить 200 долларов. А сейчас — сколько заработаю.

— Обманут, — скривился Сергей.

— Посмотрим, — ответила она.

И с того дня у молодой семьи Аресовых началась совсем иная жизнь. Не оставалось ни минуты свободного времени. С утра супруги шли на лекции, а после лекций Наденька бе-

жала на работу. Сергей тоже убежал. Однако на поиски такой. Оказалось, найти подработку было не так просто, хотя объявлений, сулящих солидный заработок с полным и частичным днем, было до черта. Сначала он коллекционировал вырезки из газет, которые приглашали в качестве организаторов коммерческих проектов. В объявлениях требовали высшее образование и организаторские способности.

— У меня еще нет высшего образования, но через полтора года будет диплом управляющего производственным процессом! — горячо убеждал по телефону Аресов.

— Это как раз то, что нам надо! — радостно восклицали на том конце провода, упуская вопрос об организаторских способностях. — Приезжайте немедленно. Можете, хоть сегодня преступить к работе. Оплата еженедельная.

— Сколько? — покрывался холодным потом студент.

— Некоторые зарабатывают до двух тысяч долларов в неделю!

«Черт! — взвизгивало внутри у Аресова. — Надо же, как повезло! Сегодня устроюсь, а завтра с Надькой свалим из этой вонючей общаги. Деньги на оплату квартиры можно пока занять у Курникова. Через неделю рассчитаюсь...» — лихо радочно тикало в висках, и Сергей срывался по указанному адресу.

Однако то, что в первый раз предложили студенту, было далеко от организации коммерческих проектов, сулящих головокружительные высоты в карьере. Требовалось ходить по детским садам и шарашкиными конторами и предлагать пищевые добавки.

— В Москве много толстых женщин, и все они мечтают похудеть, — объяснила работодательница, которая сама была далеко не изящного вида. — Поэтому пищевые добавки будут отрывать с руками.

«Что же ты сама не похудела?» — мысленно воскликнул Аресов и деликатно намекнул, что он, в общем-то, инженер, а не специалист по розничной торговле и что он явился сюда в качестве организатора.

— Организовывай, пожалуйста! Все в твоих руках! — всплеснула руками работодательница, и ее понесло.

Более часа она расписывала, как можно в течение короткого времени созволюционировать из простого торговца в бриллиантового директора, которым в данный момент являлась она сама. В этом случае Аресову останется только поплевывать и получать внушительные проценты от продаж

его подчиненных. Однако сначала нужно сколотить капитал на продажах.

— Давайте мне ваши пищевые добавки! Я попробую! — сделал снисхождение Сережа, решив, что теоретически звучит убедительно.

— Наконец я вижу делового человека, — счастливо улынулась тетенька и потребовала триста долларов залога.

— Но у меня нет трехсот долларов, — растерялся будущий бриллиантовый директор. — Дайте мне в долг! Я верну через два дня. Клянусь!

Однако бриллиантовая тетенька в долг не дала ни под клятву, ни под паспорт. Сереге ничего не оставалось, как занять эти несчастные триста долларов у беспроцентного ростовщика Леши Курникова.

Однако с продажей пищевых добавок дело не пошло. В какую бы контору Сергей не заходил, везде уверяли, что у них все худенькие, а в которых конторах были не худенькие, оттуда грубо посылали.

Через две недели, после бесплодных блужданий по детсадам и каким-то НИИ, Аресов понял, что бриллиантовым директором ему не стать. Он попытался возратить банки с пищевыми добавками бриллиантовой директрисе, чтобы получить обратно свои триста долларов, однако та только посмеялась над наивным юношей, заявив, что такие вещи возврату не подлежат.

Теперь обзванивая другие конторы, Сергей первым делом интересовался, не торговля ли это пищевыми добавками и не требуется ли по началу стартовый капитал? Из одной конторы ответили, чтобы срочно приезжал. У них есть вакансия одного сотрудника.

Однако фирма оказалась холодным книжным складом. Работа заключалась в том, чтобы ходить по конторам и предлагать книги. За книжную продукцию также брали залог, но его по возвращению книг на склад отдавали. Книги в основном продавали студенты. Они подсказали, что этот товар лучше всего идет в метро и электричках. Еще подсказали, что при продаже не возбраняется делать собственную «накрутку».

У ребят действительно кое-что покупали. Сережа тому свидетель. Его товарищам нет-нет, да перепали кое-какие деньжата, правда, не столько, сколько обещали в объявлении. Однако Сереге, в отличие от них, не обламывалось ни рубля. Видимо, он был каким-то особенным: за две недели

бездарного хождения по электричкам не удалось продать ни одной книги. Зато от измотанных пассажиров он услышал столько оскорбительных слов, что хватило бы на три жизни.

15

А тем временем жена на своей работе делала успехи, и в конце сентября получила первую зарплату: целых триста долларов. Мать честная! Около одиннадцати вечера она вошла в общежитскую комнату с двумя огромными пакетами в руках, румяная и сияющая, как Шамбала. Надя радостно воскликнула:

— Принимай, муж, продукты! Все, Серьга, время пустого холодильника закончилось.

Сергей в это время лежал на кровати и предавался мрачным мыслям о том, что у него все признаки неудачника. Жена, без которой он теперь не мыслил своего существования, была занята по горло. Зачастую она вставала, когда он еще спал. Готовила завтрак и убегала в университет чертить. Ей, как круглой отличнице, давали ключи от чертежного кабинета. Там же она писала рефераты, контрольные и курсовые. Больше на уроки, кроме этих полутора часов до начала занятий, у нее времени не было.

Разумеется, супруги встречались на лекциях, сидели за одной партой, но порой из-за нехватки времени не могли даже перекинуться парой слов. Точнее, Надежда не одобряла, когда муж во время занятий начинал ей что-то нашептывать на ушко, или уж тем более (упаси боже!) гладить под столом ногу. Наденька на все эти шаловливые штучки отвечала строгим взглядом и после лекций, не сказав ни слова, убегала в свою фирму. Возвращалась ближе к полуночи усталой, но веселой. Ее прихода Сергей ждал, как манны небесной. Спать не мог, есть не мог, даже не мог смотреть телевизор — только лежал на кровати и прислушивался, не стучат ли на лестнице ее каблучки. В эти минуты его слух достигал невероятных высот.

Приблизительно в половине двенадцатого у него начался мандраж. Это явный признак того, что жена вошла в общежитие. И точно, через пару минут с лестницы начинало доноситься торопливое цоканье, затем слышались ее легкие шаги в коридоре и вот кульминационный момент — скрежет ключа в замочной скважине. К этому моменту Сергей уже

был возбужден. Едва она переступала порог, он набрасывался на нее, словно волк на лань, и впивался в губы.

— Ну подожди, подожди же! — смеялась она, отталкивая нетерпеливого супруга. — Дай снять туфли. Да постой же! Ну, просто сумасшедший!

Как правило, она успевала скинуть только одну туфлю, и в ту же минуту оказывалось на кровати. Надежда для приличия немного сопротивлялась, но потом со вздохом отдавалась.

Нравилось ей это, или нет, Сережа не знал. В их постельных страстях с ее стороны чувствовалось сдержанное материнское снисхождение. Иногда молодому супругу казалась, что она очень опытная женщина и умеет делать то, чего ему не снилось. Постепенно, благодаря супруге, Сергей понял, что секс — это более тонкая субстанция, чем торопливый перепихон, какой бывал у них с Наталицей. И этой тонкостью, как казалось Сереже, Надежда владела в совершенстве.

От этой мысли на душе мрачнело. Сразу вспоминалось, что жена ему досталась не девочкой. Однако это ни в коем случае не притупляло любви, а наоборот — еще больше разжигало страсть.

Итак, в тот вечер при виде сияющей жены все мрачные мысли Сережи сдуло, как ветром. Он вскочил с кровати, подхватил сумки и, опустив их на пол, впился в ее сочные губы.

— Потом! — коротко отрезала она. — Сейчас надо разобрать пакеты. Там на дне перепелиные яйца!

Боже мой, чего она только не купила, кроме перепелиных яиц: телячью вырезку, несколько сортов колбасы, два сорта сыра, ветчину, оливки, ананасы, виноград, бананы и всякой всячины в сверкающих упаковках.

По этому случаю были приглашены соседи с нижних этажей. Захлопали пробки от шампанского, пошли веселые разговоры, смех, анекдоты, танцы-шманцы. Откуда не возьмись, появилась гитара. Как будто предчувствуя гулянку, в общагу заглянул Курников. Его появлению все обрадовались, потому что знали, что он проспонсирует дальнейшее веселье, если вино и продукты иссякнут. Потушили свет и закурили травку, слушая гитариста. Всем было хорошо, кроме Сережи. Его гноило мужское самолюбие. Он тихонько шепнул Курникову:

— Леха, не волнуйся, я помню про триста баксов. Отдам при первой возможности.

— Да брось ты, — отмахнулся Курников.

Когда ближе к рассвету гости разошлись, Сережа спросил у жены:

— Как же тебе заплатили? Ты сказала: первые два месяца без зарплаты.

— Не без зарплаты, а без оклада, — устало отмахнулась она. — Проценты от сделок все равно идут. В этом месяце я заключила две сделки, и вот результат, — показала Надя на объедки на столе.

— Странно, — пробормотал муж. — Ты говорила, что занимаешься тем же, чем и я. Ходишь по конторам и продаешь канцтовары.

— Я не хожу по конторам, — улыбнулась Надя, облачаясь в пеньюар. — Я сижу на телефоне. Нахожу солидных клиентов для продажи больших партий. Розничной торговлей я не занимаюсь.

С того дня Сергей начал искать работу исключительно в офисе. Таковая тоже имелась. Прежде, чем приехать на собеседование, наученный горьким опытом студент долго расспрашивал по телефону про специфику работы, ни розничную ли торговлю ему предлагают?

— Нет! — жестко отвечали на том конце. — Мы работаем с недвижимостью. У нас солидная фирма. У нас все сотрудники находятся в офисе.

«То, что надо! — сверкнуло в голове. — Недвижимость — это круто. Тут можно и деньги заработать и решить квартирный вопрос, поскольку московская недвижимость — самая недвижимая в мире».

Когда Аресов вошел в агентство по недвижимости, то приуныл: сотрудники конторы действительно сидели на телефонах, но как? Без слез не взглянешь. В комнатухе, три на четыре было втиснуто десять столов, и за ними в дикой тесноте сидели работники. Их вид не производил впечатления процветающих людей, зарабатывающих по три тысячи долларов. Но больше всего повергло в уныние то, что главой агентства был кавказец. Он протянул Сергею руку и кивнул на стул.

— У нас здэс акладов нэт. У нас палучают от здэлки.

В принципе, Надя тоже получала от сделки. А тут получить три процента от сделки — целое состояние. Теоретически, круто. Но Сережу смутило другое: как можно заключать многотысячные сделки из этой конуры?

Новенькому отвели часть стола и указали на телефонную трубку, которую держала в руке дама необъятных размеров.

Пояснили, что как только она закончит обзвон, можно будет звонить ему. «Тебе бы пищевыми добавками торговать, а не с недвижимостью работать», — подумал Сергей, с ненавистью вслушиваясь в ее щебетание. У нее на столе лежала газета «Из рук в руки», пальцы сжимали ручку. Она обзванивала все телефонные номера из рубрики «продам квартиру» и спрашивала одно и то же:

— Простите, вы продаете квартиру?

Непонятно, что ей отвечали, но через секунду она нажимала на рычаг и начинала звонить по следующему номеру. Когда все телефоны из этой рубрики закончилась, агентша начала обзванивать телефоны из раздела «куплю квартиру». Странное дело, но на вопрос «вы покупаете квартиру» отвечали еще лаконичней. «Если никто не продает и не покупает, тогда зачем дают объявления в газеты?» — удивился Сергей.

Потом, когда он сам начал обзванивать газетные объявления, понял, все квартиры покупали и продавали такие же агентства, как их. Однако в конторе упорно массировались слухи, что иногда в газетах попадают объявления непосредственно от клиентов. И это было правдой. Сергею они попадались. Но когда продавец узнавал, что звонят из агентства, то с раздражением восклицал:

— В объявлении же сказано: «Посредникам не беспокоиться!»

Ближе к вечеру приходил хозяин фирмы и включал компьютер. Весь отдел замирал, как собака при виде кости. Хозяин влезал в свою базу данных и диктовал номера телефонов продавцов. Все панически записывали, а потом начинались соревнования из серии, кто быстрее дозвонится. Сергею удавалось дозвониться целых четыре раза. И все четыре раза он слышал в трубку презрительный смех:

— Квартира уж полгода как продана. Удалите, наконец, данные из вашего компьютера!

За три недели, которые Аресов проработал в агентстве с надеждой махом «срубить» по-крупному, он не нашел ни одного клиента. И никто, из сотрудников того агентства, за это время не совершил ни единой сделки.

Целую неделю после этого Аресов пребывал в депрессии, валяясь на кровати и пропуская лекции. Надя приходила в работы и внушала, что с первого раза ни у кого не получается. Нужно набраться терпения и сразу не рассчитывать на большие деньги.

— Попроси Лешу Курникова. Может, он тебя возьмет в свою команду? Я слышала, он набирает рекламных агентов.

— Что? — вскипел Серега. — Как-нибудь справимся без Курникова.

Просить Леху, которому он задолжал за мальчишник и за пищевые добавки, значит, признать себя побежденным. Ну побежденным — громко сказано, а второсортным — это уж как пить. Так и жена перестанет уважать. А она, между прочим, в конце октября принесла еще триста пятьдесят долларов. На этом ее двухмесячный испытательный срок закончился. Надежду взяли в штат, завели трудовую книжку и положили стартовый оклад двести долларов. Плюс, естественно, проценты от сделки.

Ее принятие в штат солидного холдинга «Комус» праздновали в ресторане. Среди гостей был и Курников. Сереге пришлось снова подсаживаться к нему и шептать на ухо, что он помнит о долге.

— Да ладно, не переживай! — отмахнулся Леха и пригласил Надежду на танец.

Серега смотрел на них и кусал губы. Они вместе смотрелись красиво. И танцевали так изящно, что сорвали аплодисменты зала. «Да что я, хуже Лехи? — закипела внутри обида. — Или глупее жены, которая, несмотря на то, что учится, уже зарабатывает больше своих родителей?»

Немного поразмыслив, Сергей пришел к выводу, что все-таки глупее. Во всяком случае, ленивее. Жена уходит на учебу, а он еще спит. Она возвращается с работы, а он уже в постели. Нет, так больше нельзя! Не по мужски.

На следующий день Аресов не пошел на лекции. Он добежал до метро, купил кучу газет с объявлениями, вернулся в общагу и принялся их изучать. Теперь фирмы, обещающие быструю карьеру и умопомрачительные заработки, он пропускал. Его палец уперся в скромное объявление: «Требуется расклейщик объявлений. Заработок еженедельный». Сергей тут же слетел с кровати и помчался на вахту звонить.

— Сколько вы платите? — спросил он.

— Зависит от того, сколько вы расклеите объявлений.

— А сколько надо?

— Чем больше, тем лучше. Некоторые у нас получают до пятьсот долларов в неделю.

— Диктуйте адрес!

Помещение, куда через полчаса влетел Сергей, внушало доверие. Оно почему-то напоминало избирательный участок.

Огромный зал с колоннами, и под каждой колонной письменный стол. Вновь прибывшего встретила красивая женщина с биркой на груди и с широкой улыбкой на устах. Осведомившись, что гость пришел по объявлению, вежливо проводила к столу. Сидевшая за столом девушка обаятельно кивнула на стул.

— Мы представители Израильской компании по лечению древними минералами с берегов Красного моря, — сладко проворковала она. — Соли с берегов Красного моря способствуют омоложению организма. Особенно они хорошо действуют на кожу. Наша компания пользуется огромной популярностью во всем мире. В этом году мы решили выйти на Российский рынок.

Девушка сверкнула белоснежной улыбкой и протянула листок бумаги. Серега взял его в руки и поморщился:

— Это что?

— Предлагаем вам заполнить анкету.

— Зачем? — удивился Серега. — Я вообще-то по поводу расклейки объявлений.

— Да, я в курсе! — обаятельно кивнула девушка. — Расклейщики объявлений автоматически становятся нашими сотрудниками, поэтому мы заводим на них анкеты, чтобы в дальнейшем дать им карьерный рост.

Серега подумал, что наконец-то нашел то, что искал. Что значит солидная фирма! Даже расклейщиков объявлений считают за людей.

Будущий сотрудник тяжело вздохнул и, взяв ручку, склонился над анкетой. Как-то сразу сделалось уныло. Да тут уйдет полдня, пока заполнишь. Девушка, как будто подслушала его мысли.

— Я вижу, вам сейчас не хочется заполнять анкету, а хочется скорее приступить к работе. Анкету вы можете заполнить в следующий раз.

Работница протянула Сереге пачку объявлений и деловито проинструктировала:

— Лучше всего клеить рядом с учреждениями, где работают женщины: около текстильных фабрик, детских садов, на подъездах домов... Ну там, ориентируетесь.

— А клей?

— Клей у наших расклейщиков свой.

— Если я каждый день буду расклеивать по такой пачке, сколько получу за неделю?

— Это лучше спросить у директора, я не совсем в курсе, — захлопала глазами девушка. — Директор сейчас отсутствует. Но если хотите, пождите. Он скоро должен подъехать. Могу сказать только одно: еще никто не жаловался.

Ждать директора было глупо, поскольку с этого дня Сергей решил больше не терять ни минуты. По ходу купив тюбик клея, Серега рванул в Текстильщики. Там женщин много. И все хотят омолодиться!

Видит Бог, Сергей добросовестно обклеил весь район. Все до единого объявления. А в пачке было не менее пяти-сот листов. Конечно, его подмывало выкинуть третью часть в урну. Кто проверит? Однако Сережа устоял от соблазна, проявив редкую честность и проработав до двенадцати ночи.

На второй день вчерашняя девушка встретила его, как родного. Узнав, что он за один день расклеил все объявления, которые предназначались на неделю, она долго восхищенно качала головой. Затем дала такую же пачку.

— Завтра опять приду! — хвастливо пообещал Сережа. — Я же сказал, что работаю как зверь. Директор на месте?

Директора опять не оказалось на месте. Забегая вперед, скажу, что за две недели работы, включая выходные, директор так и не появился. Каждый день Сережа добросовестно клеил по пачке объявлений. Девушка, которую звали Алиной, хвалила и уверяла, что у них в фирме еще никто так добросовестно не работал. «Если некоторые получали по пятьсот долларов, а лучше меня никто не работал, то сколько же получу я?» — соображал Серега.

Через две недели Сергей потребовал зарплату. Как никак, платить обещали еженедельно, однако в прошлую пятницу не заплатили по причине болезни бухгалтера. В следующую пятницу лучший работник Израильской фирмы вознамеривался получить расчет, поскольку утром пообещал жене прийти домой с пачкой денег. «Тысячу долларов, не меньше! — подсчитал внутри счетчик. — Вот Надька обрадуется. И сегодня же верну Лехе его сраные триста баксов. А за мальчишник — потом».

К вечеру после утомительного ожидания появилась бухгалтерша. Она долго вглядывалась в паспорт, затем в ведомость. Наконец произнесла:

— А вас в ведомости нет.

Серега сделался пунцовым. Пришлось поднимать на ноги всю контору. Откуда ни возьмись явилась какая-то строгая тетенька с общей тетрадкой в руках.

— Где вы расклеивали? — подозрительно спросила она.

Сергея перечислил все районы. Тетенька полистала тетрадку и сказала, что из этих районов клиентов не поступало.

— Не понял. А причем здесь клиенты? — удивился Сергей. — Я расклейщик объявлений, а не продавец.

— А притом, — пояснила тетенька, — что ваша оплата зависит от того, сколько покупателей купят нашу продукцию, благодаря вашим объявлениям. Ни одного покупателя из ваших районов не обращалось. Значит, вы не клеили объявления, а выбрасывали их в мусор.

— Я клеил, клянусь! — покраснел от возмущения Сергей.

— Не верите, съездите посмотрите!

— Еще раз повторяю, молодой человек, — противным голосом произнесла тетенька, — ваша зарплата зависит не от количества приклеенных листков, а от количества обратившихся клиентов. По вашим объявлениям не обратился никто, следовательно, вам ничего не полагается.

С минуту бедняга осмысливал сказанное, а когда до него дошло, что он две недели проработал бесплатно, завопил, побелев от злости:

— Почему вы мне сразу не сказали? Сволочи, скоты, твари! Вы меня использовали.

На этих словах к Сергею подошли два шкафообразных охранника, взяли его за шкирку и вышвырнули на улицу.

И снова неделю к ряду бедняга лежал на кровати в общежитии и тоскливо смотрел в потолок. Он не ходил на лекции, не принимал пищи и набрасывался с кулаками на тех, кто пытался его утешить. К субботе от сердца отлегло, и Надя ему сказала:

— Больше никаких работ. Скоро сессия. Ты должен сдать. Работа не главное. Тебе главное закончить университет. А денег нам хватит.

Сергея успокоился, решив про себя втайне от Нади все-таки найти что-нибудь неприятное. И представьте, нашел. Проходя мимо какого-то офиса на Садовом кольце, он внезапно увидел на двери объявление: «Требуется дворник».

Подумал, зашел, переговорил. И ему в этот же день выдали лопату, скребок и указали на дверь подвала, где хранился ящик с солью. Зарплата крохотная. Однако втрое больше, чем стипендия. Зато работы от силы на два часа.

«К новому году я заработаю пусть мизерные, но собственные деньги», — кумекал Сергей, орудуя скребком и ло-

патов. Его душу грело, что он никому не сказал о своей работе. Так что Надюше будет сюрприз.

Однако в тот день, когда Сережа получил свою первую зарплату, сюрприз преподнесла Надюша, а не он.

Это произошло на Тверском бульваре за три дня до Нового года. Серега шел по нему в поисках подходящего новогоднего подарка жене и вдруг увидел, как у дорогого ресторана остановилась «девятка» Курникова. Из нее вышел Леха. Обойдя машину спереди, он открыл дверцу и подал руку какой-то женщине. Когда женщина вышла, Серегу точно пронзила молния. Это была его жена Надя. Она элегантно вдела свою тонкую руку в Лехину, и они вошли в ресторан.

16

А в этот же день в Ростове тридцатипятилетний безработный Виктор Лебедев вдрызг разругался со своей женой. С утра весь дом по улице Ростовской слышал, как супруги Лебедевы, не стесняясь в выражениях, крыли друг друга на чем свет стоит. Муж обзывал жену шлюхой, а жена мужа бабой. Поводом послужили разногласия по поводу новогоднего подарка сыну. Супруга хотела, чтобы отец купил восьмилетнему ребенку дорогую дубленку, а супруг — ноутбук.

— Я знаю, — кричала жена, — ноутбук ты покупаешь не ему, а себе. У него нет ни малейшей тяги к компьютеру.

— Нет, так будет! — брызгал слюной муж. — Причем здесь тяга? Сейчас без знания компьютера никуда. Чем раньше он его освоит, тем лучше.

— Ты сыну к нему подойти не дашь. Сам целыми днями будешь наяривать в эти дебилские игры. Тогда тем более не устроишься на работу.

Последний упрек Виктор уже вытерпеть не мог. А до этого, видит бог, сдерживался.

— Дура безмозглая! — прохрипел он, побелев от злости. — На какой работе я заработаю больше? Если ты скажешь, я в тот же день устроюсь.

— А я тебе не обязана говорить, — стервозным голосом парировала жена. — Настоящие мужчины сами себе находят работу...

Дело в том, что некоторая доля правды в словах супруги присутствовала. Виктор четвертый год занимался перекупкой аудио и видеоаппаратуры. Скупал магнитолы и «видаки»

по одной цене, а после косметической реставрации продавал по другой. Причем, покупателей находил по объявлению в газете. Продавать же обновленную аппаратуру предпочитал через комиссионные магазины, поскольку при продаже по объявлению боялся напороться на жуликов.

Пару раз он обжегся. В первом случае Виктор остался без видеомэагнитофона. Пришли три нехилых орла и просто его унесли. Во второй раз Виктор остался без музыкального центра. Покупатель дал аванс, забрал музыкальный центр «Панасоник» и был таков. Перед этим, как полагается, показал паспорт, дал все свои телефоны и с честными глазами заверил, что не позднее, чем к концу недели рассчитается. Однако к концу недели неожиданно заявил, что его долбаный «Панасоник» большего не стоит, и если у продавца другое мнение, то пусть обращается в суд. В суд обращаться было бессмысленно, поскольку никаких расписок и договоров купли-продажи не составляли.

Словом, в ту минуту, когда Виктор набрал полную грудь воздуха, чтобы выплеснуть на жену свою досаду, в том числе и свои подозрения об ее теплых отношениях с соседом сверху, раздался телефонный звонок.

— Да! — рявкнул Виктор в трубку, не отрывая сверкающих глаз от жены. — Говорите, я слушаю!

— Добрый день, — вежливо произнес звонивший. — Это вы давали объявление о намерениях купить ноутбук.

— Да, я давал! — изменился в голосе Виктор. — Вы продаете?

— К сожалению, обстоятельства вынуждают меня продать компьютер. Срочно нужны деньги.

— Понимаю, — сочувственно шмыгнул носом Виктор. — Что за компьютер и за сколько продаете?

Жена сплунула и к великой радости мужа демонстративно удалилась в спальню. «Теперь три дня не будет разговаривать», — подумал Виктор, мысленно поздравив себя, что отделался малой кровью.

— Машина хорошая, — ответили с того конца провода. — Фирма «Сони». Новая, на гарантии, с паспортом. Я купил за две с половиной. Но готов продать за две. Впрочем, могу еще немного уступить.

— Когда вы можете показать ноутбук? — затрясся от волнения Виктор.

— Хоть сегодня. Диктуйте адрес. Я подвезу.

Предварительно договорились, что незнакомец привезет компьютер в девять вечера. Если будут изменения, перезвонит.

Так в ожидании покупателя прошел день. Супруги не разговаривали, сидя по разным комнатам. Точнее сказать, почти не разговаривали. Около двенадцати в квартиру позвонили, и Светлана пошла открывать. Поговорив с кем-то в прихожей, она проследовала в свою комнату.

— Кто приходил? — спросил Виктор.

— Какой-то мент! — буркнула в ответ Светлана.

— Чего надо?

— Спрашивал, не живут ли у нас квартиранты?

В целом молчание продолжалось. Ожидание продавца было несколько тягостным. «Зря договорились на девять, нужно было на шесть, — думал Виктор, щелкая каналы телевизора. — Еще столько ждать. Во черт!»

С соседом-компьютерщиком Виктор договорился. Павел посмотрит ноутбук и, если что не так, подмигнет. Была вставлена пустая кассета в магнитофон. Переговоры с продавцом Виктор решил записать на пленку, чтобы впоследствии не было недоумений.

Около шести вечера пришла бабушка и, увидев, что супруги не разговаривают, забрала внука к себе. Ровно в девять в квартире раздался звонок. Виктор, уже издерганный от нетерпения, поставил магнитофу на запись и метнулся в прихожую. О ноутбуке он мечтал давно, но как всегда не хватало денег. А тут перед Новым годом появились свободные полторы тысячи долларов. Да-да, только полторы. «Постаюсь уломать его на полторы, — решил про себя Виктор. — В противном случае, перехватить триста-пятьсот баксов у того же Павла не вопрос».

Первое, что бросилось хозяину, когда он отрыл дверь незнакомцу, его стальные глаза. Они были настолько холодными, что сделалось жутко. Но жутко сделалось не более чем на секунду. В целом, незнакомец произвел благоприятное впечатление. Он немного напоминал художника: зачесанные назад длинные смольные волосы, высокий лоб, тонкий нос, тонкие губы и интеллигентная, аккуратно постриженная борода. Гость был одет в длинное черное пальто, отворот которого едва прикрывал белые рубашку с дорогим галстуком. На нем были брюки в стрелочку и остроносые безукоризненно начищенные ботинки. Несмотря на их блеск, Виктор почему-то подумалось, что сейчас такие не носят.

— Вы Виктор? — спросил гость.

— А вы Саша? — расплылся в улыбке хозяин, покосившись на черную сумку, висящую на его плече. — Очень приятно. Проходите!

Гость неторопливо переступил порог квартиры, снял пальто, однако на вешалку в прихожей не повесил, оставив его у себя в руках.

— Простите, у вас не будет плечиков?

— Да-да, конечно! Извините, что сразу не предложил, — засуетился Виктор, метнувшись к шкафу.

Гость вдел свое пальто в плечики, как величайшую святыню, после чего неторопливо повесил на вешалку в прихожей. Виктору не могло не броситься в глаза, что к своему пальто он относился более трепетно, чем к сумке, в которой должен быть ноутбук. «А может, он не принес компьютер? — похолодело внутри. — Пришел просто перетереть...»

Но опасения оказались напрасными. Мужчины прошли в комнату, и гость достал из сумки новенький ноутбук. При виде него у Виктора засосало под ложечкой. «Надо же, какой красивый! Просто игрушка...»

В руках компьютер оказался еще привлекательнее. Более того, едва Виктор к нему прикоснулся, тут же появилось чувство, что с ним уже расстаться невозможно.

— Вы сказали, что можете уступить, — произнес хозяин, не отрывая взгляда от этой прелести. — Если он исправен, я готов сразу дать полторы штуки наличкой. Не подумайте, что я жадный. У меня просто действительно больше нет.

Виктор терпеть не мог обращаться на «вы», но его гость будто располагал к этому, и хозяин «выкал» ему без всякого напряжения.

— Вы сначала посмотрите, подойдет ли он вам. А потом поговорим о цене.

— Да уже вижу, что подойдет! — простодушно воскликнул Лебедев и вспомнил про соседа.

Он вышел на лоджию и постучал по его раме палкой. Сосед жил этажом выше. Он не заставил себя долго ждать. Ничуть не очаровавшись японской красотой, Павел деловито включил ноутбук и принялся щелкать по клавиатуре. Гость, ни слова не говоря, безучастно сидел в кресле, однако зорко наблюдал за процессом. А между тем, с компьютером было что-то не в порядке. Павел сосредоточено набирал какие-то цифры и все более морщил лоб, бормоча себе под нос:

— Что за фигня? Ничего не понимаю.

Наконец ему удалось добиться того, чего он хотел. Компьютерщик едва заметно усмехнулся и сказал, что теперь все нормально. Мавр, как говорится, сделал свое дело и теперь может уходить. Он метнул в продавца нехороший взгляд, от которого тот завозился, и вышел в прихожую. За ним вышел Виктор.

— Ну что, Павлик, с компьютером все нормально? — спросил он. — Я видел, у тебя что-то не получалось?

— С компьютером-то нормально, — покачал головой Павел. — А вот с продавцом что-то не то. Не хотел тебе говорить, но скажу. У меня сложилось впечатление, что товарищ не хочет продавать ноутбук. Он ввел такой хитроумный код, что и специалист не разберется. Я едва раскодировал. Ты будь осторожен.

Виктор не услышал последних слов соседа. Ухо уловило только одно: компьютер в порядке. А вот гость услышал все. Как только Павел вернулся в комнату, он поднялся с кресла и произнес:

— Этот код ввел не я, а мой племянник. Если не хотите, не берите.

— Хочу! — сказал Виктор. — Ну что? Готов сразу заплатить полторы. Больше, ей богу, у меня нет. Очень сомневаюсь, что перед Новым годом вы найдете покупателя, который сразу вам выложит две тысячи. Полторы тысячи тоже хорошая цена.

Хозяин почувствовал, что продавец склонен согласиться, но в это время в комнату вошла жена. Она коротко поздоровалась, достала из шкафа плед и удалилась. Всего двадцать секунд пробыла она в комнате и начисто все испортила. Гость выключил ноутбук и, ни слова не сказав, принялся деловито запихивать его в сумку.

— Что? Считаете дешево? — оторопел Виктор.

— Давайте отложим до завтра, — ответил гость.

— Зачем? — удивился хозяин. — Компьютер при вас, деньги при мне. Вы хотите продать, я хочу купить. Не понимаю, зачем нужно откладывать?

— Но у вас какие-то сомнения по поводу неисправности машины?

— Да нет у меня никаких сомнений! — всплеснул руками Виктор. — Я не понимаю, вы продаете, или не продаете?

Гость долго мялся и плел что-то неопределенное, типа: продать не прочь, однако настроение пропало. Наконец, признался, что готов продать и за полторы тысячи, настоль-

ко ему нужны деньги. Виктор сразу кинулся к шкафу и достал приготовленную пачку долларов.

— Все! Берите деньги, оставляйте свой компьютер, и по рукам!

При виде денег глаза продавца блеснули, но он опять начал мямлить по поводу переменившегося настроения. Затем неожиданно заявил:

— А вдруг доллары фальшивые?

— Вы что? — оторопел покупатель. — В своем доме расплачиваться фальшивыми долларами?

Гость согласился, что это неразумно, однако предложил прогуляться до ближайшего обменного пункта. Виктор машинально взглянул на часы. Был одиннадцатый час. В это время у продавца раздался звонок на мобильном телефоне. Он нервно дернулся.

— Сейчас, — ответил он тихо. — Да-да, через пятнадцать минут я буду свободен.

Виктор все-таки решил дойти с ним до обменного пункта, чтобы проверить деньги. Вот зануда! Все нервы вымотал. В другой раз послал бы куда подальше, но он уже не представлял свою жизнь без этого ноутбука. Однако, как бы ни так. Гость запихал его обратно в сумку.

— Зачем ноутбук забираете? — возмутился покупатель. — Мы деньги проверим, и вы их сразу получите.

— А вдруг они все же фальшивые?

— Да что вы заладили, в самом деле: фальшивые, да фальшивые?

Когда Виктор обувался, снова вышла жена. Она продефилировала на кухню, коротко взглянув на гостя, но даже не спросила, куда они на ночь глядя?

Мужчины вышли на лестничную площадку, и наступила тишина. Эту записанную на магнитофон тишину будет потом очень внимательно слушать следователь. Он услышит, как на восьмой этаж подъедет лифт, как хозяин с гостем войдут в него, и ровно через шестнадцать секунд после того, как захлопнутся двери, раздастся шесть сухих хлопков.

17

Замятина выдернули из дома среди ночи. Около трех позвонили из дежурной части ГУВД и сообщили, что на улице Ростовской совершено покушение на одного из жильцов до-

ма № 36. Его только что расстреляли в лифте, однако он жив, но в очень плохом состоянии. На месте преступления найдено шесть обточенных гильз от пистолета Макарова.

— Срочно машину! — приказал Замятин. — И ничего там не трогайте.

Когда следователя прокуратуры привезли на улицу Ростовскую, уже начинало светать. В квартире были только бабушка и сын пострадавшего. Жена поехала сопровождать мужа в больницу. Сын был настолько напуган, что не мог произнести ни слова. Бабушка также ничего внятного не рассказала, кроме того, что накануне супруги поругались и она забрала внука к себе ночевать. Но вот в половине двенадцатого ночи позвонила дочь и огорошила, что в мужа только что выпустили обойму из пистолета. Стрелял, по ее словам, продавец ноутбука, причем целился в сердце. Затем он вырвал из рук зятя борсетку с деньгами и скрылся. Больше, по ее словам, дочь ничего рассказать не смогла, потому что в это время приехала «скорая помощь». Словом, Светлана попросила мать поскорей приехать, чтобы замыть кровь в подъезде, поскольку сама она не может: ей нужно срочно везти мужа в больницу. Бабушка быстро собрала внука, поймала такси, и вот теперь она здесь. Однако кровь замыть ей не позволили криминалисты.

Замятин молча выслушал свидетельницу и направился осматривать лифт, где на полу валялись шесть обточенных гильз от ПМ. Никаких сомнений не было: это дело рук того же, кто убил Фатунова и студента с инвалидкой. Почерк тот же. Да и та же мелочная причина — из-за суммы поддержанного компьютера. «Кстати, — осенила сыщика, — а не тот ли это компьютер, из-за которого убили студента?» На этой мысли к Замятину подвели соседа с верхнего этажа, доведя до сведения, что он видел убийцу.

— Вы действительно его видели? — поднял брови Замятин, осматривая с ног до головы растерянного парня лет двадцати восьми.

— Видел, — шмыгнул носом сосед. — Он мне сразу не понравился. Такой противный, с залезанными волосам и холодным взглядом...

— Фоторобот составим позже, — прервал Замятин. — А сейчас введите в курс, что за ноутбук он приносил?

— Марка «Сони», — сглотнул слюну свидетель. — На вид машина новая. На год выпуска не обратил внимания, но, судя по параметрам, — этого года. И вот что любопытно: был

введен такой код, что неспециалист сказал бы, что компьютер неисправен. Теперь я понимаю, зачем ему это было нужно. Он и не думал его продавать...

— Хорошо его запомнили? Узнать можете? — спросил следователь, думая о своем.

— Смогу, — твердо ответил сосед.

Через полчаса Замятин был в больнице. Больше сомнений не было: это именно тот компьютер, за который поплатился студент, и именно тот убийца, которого он разыскивал. Если преступника не остановило то, что его видели, значит он потерял всякое чувство реальности. Это случается из-за безнаказанности. Злоумышленник впадает в иллюзию, что он неуязвим. «И этим нужно пользоваться», — соображал следователь.

Плачущую супругу пострадавшего Замятин нашел в приемном покое. Лебедева только что увезли на операцию. Хирург успел шепнуть, что в несчастном сидит шесть пуль. Те, что в плече, в шее и в ладони, которой он прикрывался, не опасны, а вот пущенная в сердце — может стать роковой.

— Что? У него пуля в сердце? — удивился следователь.

— Если бы была в сердце, его бы уже не было в живых, — ответил хирург, показав снимок. — Посмотрите, прошла в пяти миллиметрах. Сделаем все, что в наших силах.

Замятин осторожно подошел к Светлане и, представившись, поинтересовался, видела ли она продавца компьютера?

— Два раза! — прохрипела Светлана. — Первый раз, когда заходила к ним в комнату, второй раз — в прихожей. Я видела его мельком, но мы встретились взглядом. У него злые холодные глаза. Я узнаю их из тысячи. Боже мой! Неужели Витя умрет? — простонала Лебедева. — Ведь я так и не попросила у него прощения.

Женщина разрыдалась, и Замятин с неприязнью подумал, что по большому счету у нее было время попросить у мужа прощение. Но видимо она из тех женщин, которые долго держат обиду.

Это было истинной правдой. Светлана намеривалась не разговаривать с ним три дня, а Новый год встретить с незамужней сестрой и ее другом. После того, как муж с продавцом ноутбука вышли из квартиры, она бросилась к телефону и набрала номер сестры, чтобы сообщить, что на Новый год она приедет к ней. Однако у сестры было занято. Через минуту Светлана снова позвонила сестре, но ответом были ко-

роткие гудки. В третий раз, когда гудки стали длинными, в дверь внезапно позвонили. Поскольку у мужа имелись ключи, то это могла быть только мама, решившая по какой-то причине возвратиться внука. От этого накатила новая волна раздражения, поскольку ключей у хозяйки не было, а без ключа дверь изнутри не открывалась. Пришлось водворить трубку на место и проследовать в прихожую.

— Кто там? — спросила Светлана недовольным голосом.

— Это я, — услышала она слабый голос мужа. — Открой! В меня только что стрелял этот тип, который хотел продать ноутбук. Он вырвал борсетку с деньгами и убежал.

Несмотря на то, что внутренности Светланы передернулись, она не сразу поверила мужу. Первой мыслью было, что он прикалывается. Прикалывается, потому что чувствует себя виноватым.

— Что? У тебя отняли борсетку со всеми деньгами? — переспросила она недоверчиво. — Ты шутишь?

— Открой скорее! У меня пуля в сердце, — жалобно простонал муж.

— Но у меня нет ключей! Ключи у тебя! — недоверчиво ответила Светлана.

В это время он услышала, как хлопнула соседская дверь. Вслед за этим раздался испуганный голос тети Клавы.

— Ой сколько крови! А я вчера помыла площадку.

Только после этого до Светланы дошло. Она сразу вспомнила о странных хлопках в подъезде, когда набирала номер сестры. Женщина клушкой заметалась по квартире, начала беспорядочно выдвигать ящики из тумбочек в надежде найти ключи, хотя прекрасно знала, что ключей нет. Она схватила швабру и выскочила с ней на лоджию.

— Павел! Павел! — завопила она, стукнув шваброй по стеклу его лоджии. — Скорей спустись! Помоги Вите открыть дверь!

В это время в прихожей заскрежетал замок. Светлана поняла, что лежащий на пороге муж нашел в себе силы подняться и теперь пытается попасть ключом в замочную скважину. Женщина снова метнулась к двери.

— Тетя Клава, да помогите же ему отпереть дверь! — закричала она с отчаяньем, но в ответ та пригрозила, что если кровь не замочит, она пожалуется участковому. После этого сильно хлопнула ее дверь.

Наконец Виктору удалось отпереть замок. Светлана открыла дверь и отшатнулась: муж был мертвенно бледен,

глаза полузакрыты, простреленной ладонью он прикрывал сердце, из-под которой струилась кровь.

— Ой! Что же это такое? — пролепетала Светлана, чувствуя, что сейчас грохнется в обморок.

— Вызови «скорую», — сквозь зубы произнес муж и не твердо шагнул в квартиру.

Жена обняла его и помогла довести до дивана. После чего принялась метаться и причитать, понимая, что из-за дрожи в руках она не сможет даже снять трубки, не то, что набрать номер.

— «Скорую», «скорую» вызови! — продолжал хрипеть муж. — У меня же пуля в сердце. Чего ты мечешься?

Выручил спустившийся сверху Павел. При виде окровавленного соседа, он остолбенел, но через секунду взял в себя в руки и деловито вызвал «неотложку». Затем позвонил в милиции. Через некоторое время в квартиру вошла тетя Клава и снова потребовала, чтобы соседка замыла кровь, которая тянется от самого лифта. Ничего не понимая, Светлана метнулась в ванную и, точно помешанная, начала набирать в ведро воду. Но тут снова вмешался Павел. Он грубо вытолкнул соседку на лестничную площадку, а Светлану вытащил из ванной и подвел к мужу.

— Не дай ему вырубиться, — шепнул он в ухо. — А я пойду встречу «скорую».

Несмотря на бледность, Виктор ни на секунду не сомкнул глаз и не потерял рассудка. Он спокойно инструктировал, что следовало делать жене. Достать ваты и наложить на простреленные места, чтобы остановить кровь. Ран, включая простреленную ладонь, было семь.

— Сколько же раз он выстрелил? — спросила белыми губами жена.

— Шесть! — спокойно ответил Виктор. — Я пытался прикрыться ладонью, но пуля прошла сквозь нее и попала в шею. Это пустяки. Больше всего меня беспокоит пуля в сердце...

Операция длилась более трех часов. Хирург извлек из тела пострадавшего пять пуль. Шестая — была сквозной. Ее потом криминалисты извлекли из дверцы лифта. После этого Виктор пришел в себя и поинтересовался, удалось им извлечь пулю из сердца?

— Разумеется, — ответил хирург. — Только она была не в сердце, а рядом.

— А нельзя ли на нее взглянуть? — спросил Лебедев.

Хирург подцепил пинцетом самую кровавую из пуль и поднес к глазам больного. Лебедев счастливо улыбнулся и закрыл глаза.

— Такая фиговина, а может остановить сердце, а, стало быть, и жизнь, — прошептал он еле слышно. — Но колесо судьбы не остановишь...

Это были его последние слова. Через минуту, он впал в беспамятство и умер.

18

Сердце Лебедева остановилось именно в ту минуту, когда одна из жительниц Подмосковного Сергиева Посада выскочила из постели с сильно бьющимся сердцем. Женщину с молочным лицом разбудил, как ей показалось, ужасный грохот. На самом деле, из рук ее сына, сидящего в инвалидном кресле, выпал молоток. Он был явно не в духе. Брови сдвинуты, поперек лба глубокая морщина. Это было недобрый знаком.

— Что случилось, сынок? — встревожено спросила женщина, нашаривая под ногами тапочки.

— Ничего, — ответил инвалид и с протяжным стоном отвернулся к окну.

— Я же вижу, что-то случилось. У тебя не получается статуэтка? — женщина приблизилась к нему и ласково погладила по голове. — Говорила я тебе, не надо работать по ночам. Ничего хорошего из этого не получится. Как я вчера хотела уложить тебя спать.

Женщина подняла с полу молоток и протянула сыну. Однако он его не взял. Демонстративно надул губы и отвернулся к окну. Тогда она осторожно вынула из рук сына изваянное из фольги человечка и принялась внимательно разглядывать.

— А что тебе не нравится? Очень симпатичный юноша. Умный, развитый, целеустремленный. На мой взгляд, он знает, чего хочет в жизни...

— Что ты несешь, мама! — плаксиво простонал инвалид. — Этого не знаю даже я.

— А ты и не обязан знать, — пожалла плечами женщина. — Твое дело создать образ. А как твое создание себя поведет — это уже его забота. Художник не обязан отвечать за поступки своих творений.

— Ты думаешь, что эта кукла способна на поступки? — криво усмехнулся инвалид.

Женщина внимательно вгляделась в изваяние из фольги, после чего задумчиво перевела взгляд на сына.

— Кто знает? — ответила она, потупив глаза. — Поступки людей также непредсказуемы, как неисповедимы пути их Творца. Надеюсь, это не очередной серийный убийца?

Инвалид вырвал из рук матери фигуру и с упреком покачал головой.

— Мама, ты же его узнала: это тот самый парень, который снимал их свадьбу. А когда ты подошла к молодым с цветами, у него заело камеру.

Женщина закусила губу, поднялась и направилась в ванную. Она умывалась, одевалась, причесывалась. Затем готовила завтрак, и все это время инвалид безмолвно сидел в своей коляске и сосредоточено смотрел на изваяние. После чего, сокрушенно вздохнув, подкатил к полке и поставил фигуру между статуэтками жениха и невесты. Вошедшая с подносом мать покосилась на полку, однако ничего не сказала. Только после того, как сын съел бутерброд и выпил бокал чая, женщина произнесла, кивнув на жениха с невестой:

— Все-таки решил испортить им жизнь.

— Этот не испортит, — криво усмехнулся инвалид. — Он слишком интеллигентен и благороден. Однако кровь попортит. Это я гарантирую. Кстати, — дернулся инвалид, указав пальцем на соседнюю полку. — Убери в шкаф убийцу, которого ты назвала художником. Тоже мне нашла художника!

Женщина просияла. Она подлетела к полке и воровато схватила две стоящие рядом фигурки. Несмотря на то, что мать специально встала спиной, сын увидел.

— Нет-нет! — замахал он руками. — Его друга оставь. Ему еще предстоит сыграть свою роковую роль.

— Такую же, как этому уроду? — возмутилась женщина. — Может, хватит смертей?

— Да брось ты, мать! Если жизнь для смертных — пребывание в иллюзиях, то смерть — избавление от них. Так что, все нормально! Расслабься! Я даже этому чувачку дам когда-нибудь сыграть главную роль.

— Когда-нибудь — это когда? — нахмурилась мать.

— Не скоро. Лет так через семь-восемь.

— Страсти Господни! — перекрестилась женщина.

— Да какие страсти, мать! — расхохотался инвалид. — Всего лишь иллюзия страсти.